



Е. Е. АЛФЕРЬЕВ

**Император Николай II как человек сильной воли.
Материалы для составления Жития
св. благочестивейшего царя-мученика
Николая Великого Стратотерпца***

Вступление

Широко распространенная легенда о слабоволии государя императора Николая Александровича уже давно не только встретила общее признание, но стала общепринятой аксиомой, несмотря на то, что она совершенно не соответствует и прямо противоречит истине. Это ложное мнение утвердилось настолько прочно, что вот уже много десятилетий оно повторяется, не встречая ни от куда опровержения, даже благонамеренной прессой, русской и иностранной, добросовестными историками и мемуаристами, а также людьми казалось бы хорошо осведомленными и свято чтущими память царя-мученика. Между тем достаточно вспомнить общеизвестные факты, сопоставить достоверные показания и задуматься над непомерной тяжестью монаршего служения, огромной ответственностью, нравственными испытаниями, мучительной душевной трагедией государя, вызванной болезнью наследника и, наконец, всеми переживаниями в годы войны и революции, закончившимися мученическим восходом на Гол-

* Впервые: Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св. Благочестивейшего Царя-Мученика Николая Великого Стратотерпца. Джорданвилль: Свято-Троицкий Монастырь, 1983. Печатается по этому изданию.

Алферьев Евгений Евлампиевич (1908–1986) — церковный публицист Русского Зарубежья. По профессии — инженер (в 1927 г. окончил Электромеханический институт в Париже, а в 1928 г. — университет в Гренобле). С 1964 г. проживал в США, служил в ООН. В 1970 г. был приглашен на должность декана Свято-Троицкой духовной семинарии РПЦЗ. В начале 1980-х гг., пережив тяжелую болезнь, составил первое Житие императора Николая II. — *Примеч. сост.*

гофу, чтобы понять, что пройти этот тягостный жизненный путь с таким достоинством и смирением, как прошел его государь император Николай Александрович, мог лишь человек, обладавший не только исключительно сильной волей, но и несравненно более ценным Божиим даром — необыкновенной духовной силой, возвысившейся до святости. Вот почему теперь, когда царь-мученик причислен Русской Православной Церковью Заграницей к лику святых, вопрос о мнимом слабоволии императора Николая II сам по себе теряет смысл и заслуживает изучения лишь в интересах восстановления исторической истины для правдивого изложения жития святого благочестивейшего царя-мученика Николая.

I

*Детские годы. Воспитание. Постоянная работа над собой.
Среднее и высшее образование. Военная подготовка.
Строевая служба. Подготовка к государственной
деятельности*

Уже с ранних лет детства великий князь Николай Александрович, как свидетельствует о том его первая воспитательница А. П. Олленгрэн, проявлял черты сильного характера, он знал, чего он хотел и к чему он стремился.

Он получил прекрасное, но суровое воспитание под самым бдительным наблюдением своего августейшего отца. Приведем несколько примеров инструкций, данных императором Александром III (в то время он был еще наследником престола) первой учительнице своих сыновей. «Ни я, ни великая княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру». «Учите хорошенько, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доказчику — первый кнут. Это — самое мое первое требование» (*Сургучев Илья. Детство Императора Николая II. С. 26, 28–29. Париж: Изд. Возрождение, 1953*).

Наследник цесаревич Николай Александрович получил прекрасное среднее и высшее образование — и то, и другое в расширенном объеме — под руководством выдающихся и требова-

тельных преподавателей*. Он блестяще закончил высший курс общеобразовательных, юридических и военных наук и, помимо прочего, в совершенстве владел четырьмя языками: русским, французским, английским и немецким. Так же блестяще он прошел доступную только наследнику престола всестороннюю военную подготовку, теоретическую и строевую, по всем родам оружия — пехоте, кавалерии и артиллерии, а также во флоте. Как известно из его биографии, к своим служебным обязанностям он относился исключительно добросовестно и был во всех отношениях образцовым офицером, не пользовавшимся никакими привилегиями.

Молодой человек, вступающий в жизнь с таким запасом знаний и обладающий столькими качествами, заслуживает, конечно, всеобщего признания, как человек выдающийся, одаренный исключительными природными способностями и сумевший упорным трудом развивать свои таланты, благодаря наличию целеустремленной воли. Для бесхарактерных людей подобный уровень недоступен. Таким образом, уже с ранних лет детства, отрочества и юности, а затем молодости, будущий император Николай II проявил себя, как человек сильного характера.

II

Первое испытание силы воли в личной жизни. Помолвка

Первое серьезное испытание силы воли наследнику цесаревичу Николаю Александровичу пришлось выдержать в связи с его женитьбой, когда, благодаря своей упорной настойчивости, выдержке и терпению, он успешно преодолел три казались бы неустрашимых препятствия. Еще в 1884 году, когда

* От своих наставников он знал, что воспитание не заканчивается в юношеском возрасте, что для того, чтобы успешно пройти свой жизненный путь, необходимо продолжать постоянно работать над собой и что борьба со своими недостатками и развитие природных талантов есть нравственный долг каждого человека. И он добросовестно следовал этим мудрым наставлениям. Однажды, много лет спустя, уже в зрелом возрасте, в беседе с одним из приближенных, когда разговор коснулся свойственной некоторым людям раздражительности, государь, слегка улынувшись, сказал: «О, эту черточку я уже давно подавил в себе». Это замечание и дневник, который он вел с ранних лет и почти до последнего дня жизни, свидетельствуют о том, что государь всегда стремился к самосовершенствованию.

ему было всего лишь шестнадцать лет, он впервые встретился с двенадцатилетней поразительно красивой принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской, приехавшей на бракосочетание своей старшей сестры вел. кн. Елизаветы Феодоровны и вел. кн. Сергея Александровича — дяди наследника цесаревича. С этого момента между Ними зародилась близкая дружба, а затем святая, беззаветная, самоотверженная и все возрастающая любовь, соединившая их жизни до совместного принятия мученических венцов. Такие браки — редкий дар Божий даже среди простых смертных, а среди коронованных особ, где браки совершаются, главным образом, по политическим соображениям, а не по любви — это явление исключительное. В 1889 году, когда наследнику цесаревичу исполнился двадцать один год, и он достиг, согласно русским законам, совершеннолетия, он обратился к родителям с просьбой благословить его на брак с принцессой Алисой. Ответ императора Александра III был краток: «Ты очень молод, для женитьбы еще есть время, и, кроме того, запомни следующее: ты наследник Российского престола, ты обручен России, а жену мы еще успеем найти» (*Позднышев С.* Распи Его. Париж, 1952. С. 9.). Перед волей отца — тяжелой, неуклонной, — что сказано, то есть закон, великий князь Николай Александрович на время безропотно смирился и стал ждать. Через полтора года после этого разговора он записал в свой дневник:

«Все в воле Божией. Уповая на Его милосердие, я спокойно и покорно смотрю на будущее» (*Ibidem.* С. 10).

Со стороны семьи принцессы Алисы, их брачные планы тоже не встречали сочувствия. Так как она потеряла свою мать, когда ей было только 6 лет, а отца — в восемнадцать, Ее воспитанием занималась, главным образом, Ее бабушка со стороны матери — английская королева Виктория. Эта столь прославляемая в англо-саксонском мире королева в течение многих десятилетий своего 64-летнего царствования (1837–1901) проводила крайне неблагородную внешнюю политику, построенную на хитросплетенных коварных интригах, направленных, главным образом, против России. Особенно не любила королева Виктория русских императоров Александра II и Александра III, которые в свою очередь отвечали ей презрительной неприязнью. Немудрено, что при таких недружелюбных отношениях между русским и английским Дворами, наследник цесаревич Николай Алек-

сандрович не мог встретить поддержки со стороны бабушки* принцессы Алисы.

Прошло пять лет с того дня, когда цесаревич Николай Александрович обратился к своему августейшему отцу с просьбой разрешить ему жениться на принцессе Алисе. Ранней весной 1894 года, видя непоколебимое решение своего сына, его терпение и кроткую покорность родительской воле, император Александр III и императрица Мария Феодоровна дали наконец свое благословение на брак. Одновременно в Англии Алиса, потерявшая к этому времени своего отца, умершего в 1890 году, получила благословение от королевы Виктории. Оставалось последнее препятствие — перемена религии и принятие августейшей невестой святого Православия.

Принцесса Алиса была чрезвычайно религиозной. Она была воспитана в протестантстве и была искренне и глубоко убеждена в истинности своего вероисповедания. Вместе с этим, она знала, что она не может стать русской императрицей, не приняв святого Православия, но перемену религии она считала изменой своим самым святым чувствам и убеждениям. Будучи исключительно честной сама с собой, отличаясь благородством и преданностью своим идеалам и, к тому же, будучи прекрасно образованной — она получила при Оксфордском университете степень доктора философии, — она не была способна принести весь свой внутренний мир в жертву любви к любимому человеку. Таким образом, этот вопрос стал для принцессы Алисы вопросом совести, так как российский престол, хотя и самый блестящий в ту эпоху, сам по себе, ее не прельщал, тем более, что благодаря своей поразительной красоте и внутренней привлекательности, она пользовалась огромным успехом среди европейских коронованных женихов и наследников престолов.

Итак, последнее препятствие к браку наследника цесаревича и принцессы Алисы казалось непреодолимым. Был только один возможный выход — полное переубеждение ее религиозных взглядов, т. е. искреннее понимание ложности протестантского вероисповедания и чистосердечное принятие святого Право-

* От королевы Виктории государыня императрица Александра Феодоровна унаследовала как передатчица роковую болезнь гемофилию, которую она передала своему сыну наследнику цесаревичу Алексею Николаевичу. См.: *The Last Courts of Europe — A Royal Family Album 1860–1914. Introductory text by Robert K. Massie. J. M. Dent and Sons Ltd., London, 1981, стр. 25.*

славия. Эта трудная и сложная задача выпала на долю самого великого князя Николая Александровича.

В начале апреля он посетил Кобург и провел двенадцать дней во дворце Великой Княгини Марии Павловны, где одновременно гостила Принцесса Алиса. Здесь должна была решиться их судьба, зависевшая от убежденности наследника цесаревича в правоте своих доводов. На третий день между ними шел решающий разговор. В гостиную никого не было, их оставили одних решать вопрос своей жизни. Принцесса была прелестна. Не надо было говорить, понятно было без слов. Он знал теперь, что любовь их взаимна, что в этой любви — счастье грядущей жизни. Оставалось одно препятствие — перемена религии; он это предвидел раньше, но не предполагал, что это препятствие может оказаться столь решительным и трудным. Он видел душевную борьбу принцессы Алисы, — подлинную настоящую борьбу христианки. Он понимал, что от него зависит теперь убедить ее в том, что она не совершает отступничества, что принимая Православие, она приближается к Богу в самых светлых формах общения с ним. И он нашел в своем сердце чудные слова.

«Аликс, я понимаю Ваши религиозные чувства и благоговею перед ними. Но ведь мы веруем в одного Христа; другого Христа нет. Бог, сотворивший мир, дал нам душу и сердце. И мое сердце и Ваше Он наполнил любовью, чтобы мы слились душа с душой, чтобы мы стали едины и пошли одной дорогой в жизни. Без Его воли нет ничего. Пусть не тревожит Вас совесть о том, что моя вера станет Вашей верой. Когда Вы узнаете после, как прекрасна, благодатна и смиренна наша Православная религия, как величественны и великолепны наши храмы и монастыри и как торжественны и величавы наши богослужения, — Вы их полюбите, Аликс, и ничто не будет нас разделять» ...

В этот момент перед ним предстала великая, необъятная — от Соловецких скитов до Ново-Афонских монастырей, от северных серовато-синих вод Балтийского моря до ярко синего Тихого океана — его державная Матушка-Россия, Святая Богоносная Православная Русь. На глазах показались слезы умиления и восторга. Принцесса слушала внимательно, смотря в его синие глаза, на его взволнованное лицо и в душе ее происходило преображение. Увидев слезы, она не удержалась сама. Потом шепнула только два слова: «я согласна». Слезы их смешались вместе.

Было двенадцать часов ночи, когда Николай Александрович остался один. Все в том же состоянии приподнятого восторга цесаревич опустился на колени перед иконой и начал молиться. Кончив молиться, Николай Александрович решил написать письмо своей августейшей матери, чтобы поделиться с ней своими переживаниями. Письмо его дышало юношеской, простодушной восторженностью.

«Милая, дорогая, бесценная Мама. Ты не можешь себе представить, как я несказанно счастлив. Свершилось, я жених Аликс»...

Он изложил последовательно ход своих бесед, рассказал как убеждал ее переменить религию и как она себя чувствовала.

«Она плакала все время и только от времени до времени произносила шепотом: «нет, я не могу». Я, однако, продолжал настаивать и повторять свои доводы, и хотя этот разговор длился два часа, он не привел ни к чему, потому что ни она, ни я не уступали. Я передал ей Ваше письмо и после этого она уже не могла спорить. Она решила переговорить с тетей Михен (Вел. Кн. Мария Павловна (старшая)). Что касается меня, то в течение этих трех дней я все время находился в самом тревожном состоянии...»

Сегодня утром нас оставили одних, и тут, с первых же слов, она согласилась. Одному Богу известно, что произошло со мной. Я плакал, как ребенок и она тоже. Но лицо ее выражало полное довольство.

Нет, дорогая Мама, я не могу выразить Вам, как я счастлив, и в то же время, как мне жаль, что я не могу прижать к своему сердцу Вас и моего дорогого Папа. Весь мир сразу изменился для меня: природа, люди, все; и все мне кажутся добрыми, милыми и счастливыми. Я не мог даже писать, до того дрожали у меня руки. Она совершенно переменялась: стала веселой, забавной, разговорчивой и нежной... Спаситель сказал нам: «Все, что ты просишь у Бога, даст тебе Бог». Слова эти бесконечно мне дороги, потому что в течение пяти лет я молился ими, повторяя их каждую ночь, умоляя Его облегчить Аликс переход в православную веру и дать мне ее в жены...

Пора кончать письмо. Прощай, моя дорогая Мама. Крепко Тебя обнимаю. Христос с Тобою. Горячо и от всей души Вас любящий Ники».

Он взял изящную темно малиновую тетрадь шагреновой кожи — свой дневник и внес в него следующую запись:

«Чудный, незабвенный день в моей жизни — день моей помолвки с дорогой, ненаглядной Аликс... Боже, какая гора свалилась с плеч; какую радостью удалось обрадовать дорогих Папа и Мама. Я целый день ходил, как в дурмане, не вполне сознавая, что собственно со мной приключилось»... (*Позднышев С. Ор. Cit. С. 11–16*).

В тот же день, 8/21 апреля 1894 года, их помолвка была объявлена официально (*Алферьев Е. Е. Письма Царской Семьи из заточения. Издание Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль, 1974. С. 340–341*).

Десять лет прошло с того времени, когда августейшие жених и невеста встретились впервые, и пять лет — со дня отказа родителей дать благословение на их брак. Наследник цесаревич кротко смирился, но терпеливо ждал и неуклонно стремился к своей цели. За эти годы ему удалось постепенно пересилить своего августейшего отца — могучего богатыря, отличавшегося непоколебимой силой воли, перебороть несочувствие его планам со стороны Императрицы Марии Феодоровны и бабушки принцессы Алисы — английской королевы Виктории, и, наконец, не будучи богословом, раскрыть принцессе Алисе истинность своей веры, переменить ее твердые религиозные убеждения и склонить ее к искреннему, чистосердечному принятию святого Православия. Преодолеть все эти препятствия мог только глубоко верующий и беззаветно любящий человек, обладающий исключительно твердым характером*.

* Для проведения исторической параллели, здесь уместно напомнить о неудачном сватовстве безвременно скончавшегося наследника английского престола принца Эдуарда, старшего брата будущего короля Георга V и двоюродного брата императора Николая II. Получив в 1890 г. решительный отказ от принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской (будущей императрицы Александры Феодоровны), он сделал предложение принцессе Елене Французской, дочери графа Парижского, претендента на Французский престол. Родители с обеих сторон, а также бабушка принца Эдуарда королева Виктория, весьма приветствовали это сватовство. Невеста, будучи римско-католического вероисповедания, согласилась перейти в Англиканскую церковь. Однако Папа не разрешил этого брака, и он расстроился. Принц Эдуард не сумел преодолеть даже этого единственного, и казалось бы лишь формального, препятствия.

Несколько расширив рамки нашей исторической параллели, укажем на другой пример двух мерок, который постоянно применяются к России и ее царствующей династии, с одной стороны, и к другим странам — с другой. Отец упомянутого принца Эдуарда, король Эдуард VII, унаследовавший от своей матери, королевы Виктории, великую империю, окончательно

III

Бракосочетание. Вступление на престол

В августе 1894 года император Александр III опасно заболел. Уже некоторое время он страдал воспалением почек — нефритом, пренебрегая своим здоровьем, но теперь в его здоровье наступило резкое ухудшение. Несмотря на могучее телосложение, на все принятые меры лечения и благодный климат Крыма, куда перевезли августейшего больного, 7/20 октября, в Ливадии, император Александр III, окруженный своей августейшей семьей, в присутствии св. о. Иоанна Кронштадтского безвременно и неожиданно скончался, горячо оплакиваемый всем русским народом.

На престол вступил наследник цесаревич Николай Александрович. За несколько дней до этого, в Ливадию прибыла августейшая невеста наследника цесаревича принцесса Алиса. На следующий день после кончины императора Александра III, 8/21 октября, она была присоединена к святому Православию таинством миропомазания и наречена Александрой Феодоровной. Бракосочетание высоконареченных жениха и невесты было решено не откладывать до окончания установленного траура, и оно было совершено 14/27 ноября.

* * *

Существует широко распространенное мнение, что император Николай II вступил на престол неподготовленным к царскому служению. Это мнение глубоко ошибочно, даже если он сам его высказал вел. кн. Александру Михайловичу в первые минуты принятия на Себя царского бремени, будучи подавленным неожиданной кончиной своего августейшего отца. Вполне понятно, что эти слова могли у Него вырваться, но они только лишний раз свидетельствуют о том, что наследник цесаревич был крайне

свел роль английского конституционного монарха к нулю. Но, несмотря на то, что он вошел в историю, лишь как законодатель мужских мод, почти не занимался государственными делами и отличался исключительной ленивостью и весьма сомнительной нравственностью, он никогда не подвергался критике, как неспособный, слабовольный и безответственный монарх, но, напротив, до сих пор пользуется в англо-саксонском мире положительной оценкой. См.: *The Last Courts of Europe. A Royal Family Album 1860–1914.* — *Op. cit.* С. 9–17.

требователен к самому себе, глубоко сознавал лежавшую на нем ответственность, обладал сильно развитым чувством долга и ясно понимал трудность стоявших пред ним задач. В действительности, он вступил на престол в расцвете сил, в возрасте 26 лет, и его мудрый отец дал своему преемнику прекрасное воспитание и образование, он совершил 9-месячное заграничное, почти кругосветное, путешествие, вернувшись в С.-Петербург через Сибирь, а затем в течение нескольких лет Александр III постепенно привлекал его к участию в руководстве государственными делами. Он состоял Председателем комитета по сооружению Великого Сибирского пути, возглавлял Комитет по борьбе с голодом 1891–92 гг., заседал в Государственном Совете и в Комитете министров, но эта сторона его деятельности не привлекала до того времени особого внимания. Отличная подготовка наследника к самостоятельному правлению подтвердилась сразу же после его вступления на престол.

В сердце императора Николая II глубоко врезались заветы его державного отца, сказанные ему за два дня до кончины. Мы приведем здесь лишь краткие выдержки из их последней беседы.

«Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекшего кровью отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал предо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое “передовое общество”, зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Ох-

раняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужественен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней — держись независимой позиции. Помни, — у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего, покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства» (*Позднышев С. Оп. cit. С. 43–45*).

IV

Первое публичное испытание твердости характера. Речь земским депутатам 17 января 1895 года

Молодой император решил свято хранить эти заветы своего августейшего отца, и в первые же месяцы ему пришлось выдержать первое испытание твердости своего характера. Среди русской либеральной интеллигенции восшествие на престол нового государя породило надежды на перемены в сторону осуществления ее стремлений. На некоторых земских и дворянских собраниях звучали речи, смолкшие в царствование императора Александра III. Были приняты всеподданнейшие адреса, в осторожных выражениях снова выдвигавшие требования народного представительства. Император Николай II был, таким образом, поставлен в необходимость публично исповедовать Свое политическое мировоззрение, что было с его стороны только актом политической честности.

Надо иметь мужество, чтобы говорить «нет» в ответ на верноподданнейшие адреса. Однако в своей речи 17 января 1895 г. к земским депутатам, государь громким и решительным голосом сказал:

«Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтами об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель» (*Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. Второе издание. Вашингтон, 1981. С. 47*).

Решительное содержание этой речи мало соответствовало общим представлениям о молодом государе. Поэтому начали утверждать, что она ему кем-то продиктована. В действительности, император Николай II, отлично выражая свои мысли и прекрасно владея пером, написал эту речь собственноручно, так же, как он всегда самостоятельно писал свои личные заявления, и положил ее текст в свою фуражку.

V

Коронация. Ходынская катастрофа. Проявление государем необыкновенного самообладания и чувства долга

14/27 мая 1896 г. в Успенском соборе в Москве, в необыкновенно торжественной обстановке издревле установившейся традиции, состоялась коронация Их Величеств.

Для государя и государыни, глубоко проникшихся идеей Божественного начала верховной власти православного самодержавного монарха и одинаково ясно понимавших великое значение вторичного восприятия таинства священного миропомазания в знак того, что как нет выше, так нет и труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения, этот день был днем великих душевных переживаний. С этой минуты, исключительно и высоко торжественной для государя, он почувствовал себя подлинным Помазанником Божиим; чин коронования, такой чудный и непонятный для большинства русской интеллигенции, был для него полон глубокого смысла. С детства обрученный России, он в этот день как бы повенчался с ней.

* * *

По роковому стечению обстоятельств, последующие дни коронационного празднества были неожиданно омрачены известной катастрофой на Ходынском поле. Здесь на обширном пространстве собралась толпа свыше полумиллиона человек, ожидавшая обещанной раздачи коронационных подарков и гостинцев. Вследствие неожиданного количества собравшихся людей, полиция не сумела справиться с толпой, и в момент начала раздачи подарков произошла невероятная давка. Через 10–15 минут порядок был восстановлен, но было уже поздно. Погибших на месте оказалось 1282 человека, раненых несколько сот (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 56–59*).

Можно легко себе представить, какое ужасающее впечатление произвела на только что коронованную молодую Императорскую Чету эта страшная катастрофа, случившаяся после столь знаменательной для Них коронации. Нет надобности говорить о том, что Их Величества всей душой и всем сердцем участвовали в этом народном бедствии. На следующее утро Они присутствовали на панихиде о погибших, а затем несколько раз посещали раненых в больницах. Семьям погибших или пострадавших были выданы крупные пособия, похороны приняты на государственный счет и т. д. Словом, и в материальном, и в моральном отношении Их Величества сделали все от них зависящее для оказания помощи семьям и родственникам пострадавших.

Но на их долю, помимо тяжелых переживаний, выпало первое тяжелое нравственное испытание. По случайному совпадению, в день несчастья был назначен блестящий прием во французском посольстве, к которому наши союзники французы давно готовились, затратив на эти торжества огромные средства и много усилий. По представлению министра иностранных дел, государь с тяжелым сердцем решил не отменять своего посещения, чтобы не вызвать политических кривотолков. Долг царского служения он ставил превыше всего. В назначенный час Государь прибыл во французское посольство, оставался там минимальное время, предусмотренное протоколом, и затем отбыл, поручив послу передать свою благодарность французскому народу за его дружественные чувства к России. Государь казался совершенно спокойным; только мертвенная бледность лица, — единственный признак, указывающий на его внутреннее волнение, — выдавала его душевное состояние. Это было первое публичное проявление необыкновенной выдержки и самообладания государя. Его мужественный жест был по достоинству оценен в иностранной печати, особенно французской. Что же касается русской либеральной общественности и левой прессы, то они пытались, в целях пропаганды, использовать этот случай, чтобы представить государя, как человека бессердечного, безжалостного и жестокого.

VI

Устранение императором Николаем II угрозы возникновения европейской войны в 1896 году

В конце того же 1896 года в иностранной политике России произошло первое, в царствование императора Николая II, событие, свидетельствующее не только о твердости Его характера, но и о глубокой проницательности Его ума, несмотря на молодость лет. К этому моменту сложилась благоприятная международная обстановка для захвата Россией Босфора и Константинополя (или Царьграда, древней столицы Византии), т. е. осуществления давнишней русской мечты. На государя было произведено сильное давление со стороны министерства иностранных дел (заведывающего министерством Шишкина и нашего посла в Константинополе Нелидова) и военного министерства (начальника штаба ген. Обручева), а также со стороны других участников совещания. Государь выслушал все мнения, но окончательное решение оставил за собой. Несмотря на то что государь сам глубоко сочувствовал этой идее и в дальнейшем считал, что при благоприятном окончании мировой войны, Босфор должен быть отдан России в виде компенсации за все принесенные ею жертвы, в тот момент ему было ясно, что этот шаг грозит европейской войной и, вопреки оказанному на него давлению, он отказал.

VII

Личная заслуга императора Николая II в проведении денежной реформы и введении золотой валюты

В 1897 году, при министре финансов С. Ю. Витте, была безболезненно произведена крайне важная денежная реформа — переход на золотую валюту, упрочивший международное финансовое положение России. В связи с этим С. Ю. Витте пишет в своих мемуарах: «В сущности, я имел за собой только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных — доверие Императора, а потому я вновь повторяю, что Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно императору Николаю II».

VIII

*Инициатива императора Николая II и его настойчивость
в деле созыва в 1899 году Гаагской мирной конференции
для обеспечения всеобщего мира и ограничения вооружений*

День 15/28 августа 1898 года стал величайшей исторической датой. В этот день молодой — тридцатилетний — император Всероссийский, по собственному почину, обратился ко всему миру с предложением созвать международную конференцию, чтобы положить предел росту вооружений и предупредить возникновение войны в будущем. Это предложение было замечательно тем, что оно исходило не от небольшого слабого государства, а от монарха Великодержавной России, которая, во всеоружии своей необоримой мощи, выступила первая на защиту вселенского мира. Министр иностранных дел гр. М. Н. Муравьев писал в своем всеподданейшем докладе по этому вопросу, что призыв государя «укажет на высокое бескорыстие, величие и человеколюбие Вашего Императорского Величества, и на рубеже истекающего железного века запечатлеет августейшим именем Вашим начало грядущего столетия, которое с помощью Божией да окружит Россию блеском новой мирной славы» (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 96*).

Ответ последовал очень быстрый — и отрицательный. Благородный призыв русского императора не встретил сочувствия на Западе и среди других стран. Две тысячи лет господства христианской цивилизации по-видимому не изменили звериной физиономии мира: между этим миром и Россией, воспринявшей христианство в духе св. Православия, образовался глубокий разрыв.

Франция, проигравшая в 1870–1871 гг. войну против Германии, лелеяла в этот момент мечту о реванше и о возвращении потерянных провинций Эльзаса и Лотарингии. Кайзер Вильгельм II формулировал свою позицию на докладе, представленном канцлером Бюловым, в следующих словах: «В своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч». Англия, обладавшая самым могущественным флотом и почти не имевшая сухопутных вооруженных сил, с типичным для нее лицемерием, заявила, что она пошла бы на ограничение вооружения — кроме флота. Япония, где император Николай II, будучи еще наследником цесаревичем, едва не погиб от сабельного удара фанатика, подстрекаемая Англией и США, уже

тогда готовилась к своему коварному нападению на Россию и, конечно, не могла сочувствовать идее ограничения вооружений. Правда, в некоторых странах газеты писали, что нота 12 августа «составит славу царя и его царствования», но, в общем, в своем докладе государю от 23 ноября 1898 г. министр иностранных дел гр. Муравьев, подводя итоги русской инициативы, писал: «Народы отнеслись восторженно, правительства — недоверчиво».

* * *

Тем не менее, несмотря на неблагоприятную обстановку, государь настойчиво продолжал предпринимать дальнейшие дипломатические шаги для достижения поставленной цели. В декабре 1898 года была разработана вторая нота. Вместо первоначального задуманного государем широкого плана сокращения и ограничений вооружений, русская программа была сведена к нескольким вполне конкретным предложениям; через с лишком тридцать лет на конференции по разоружению, созванной в Женеве Лигой Наций, созданной после мировой войны, повторялись и обсуждались те же вопросы, о которых говорилось в русских предложениях 1898–1899 гг. Однако, благодаря настойчивости императора Николая II, конференция все же состоялась. «Мир был уже поражен», писал в своей книге о конференции Ж. де Лапрадель, «когда могущественный монарх, глава великой военной державы, объявил себя поборником разоружения и мира в своих посланиях от 12/24 августа и 30 декабря. Удивление еще более возросло, когда, благодаря русской настойчивости, конференция была подготовлена, возникла, открылась». Местом ее созыва была избрана Гаага, столица Голландии, одной из наиболее «нейтральных» стран.

В конференции приняли участие все двадцать европейских государств, четыре азиатских и два американских.

Гаагская мирная конференция заседала с 18/6 мая по 29/17 июня 1899 г. под председательством русского посла в Лондоне, барона Стааля. Был принят целый ряд конвенций, в том числе конвенция о мирном разрешении международных споров путем посредничества и третейского разбирательства. Плодом этой конвенции, разработанной русским депутатом проф. Ф. Ф. Мартенсом, явилось учреждение действующего и поныне Гаагского международного суда.

Русское общественное мнение, в течение всего периода от ноты 12 августа до окончания Гаагской конференции, проявляло до-

вольно слабый интерес к этому вопросу. Любопытно отметить, что за границей и в левых кругах русской интеллигенции были удивлены этим шагом, резко расходившимся с ходячими представлениями об «империализме» и «милитаризме» русской власти.

* * *

Нота 12 августа 1898 г. и Гагская конференция 1899 г. сыграли важную роль в мировой истории. Те, кто затем приветствовали идею Лиги Наций и конференцию по разоружению, не могли не признать, что первый почин в постановке на очередь этого вопроса бесспорно принадлежал императору Николаю II, и этого не могли стереть со страниц истории ни войны, ни революции нашего времени.

Когда собралась 9 ноября 1921 года Вашингтонская конференция по вопросу о морских вооружениях, президент США Гардинг, в своей вступительной речи, заявил: «Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами — не ново. При этом случае, быть может, уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского». И процитировав почти целиком «ясные и выразительные» слова русской ноты 12 августа, северо-американский президент добавил: «С таким сознанием своего долга Его Величество Император Всероссийский предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой» (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 107–108*).

По окончании Первой мировой войны и заключении Версальского мира, человеколюбивая идея императора Николая II была, наконец, осуществлена в виде создания Лиги Наций, имевшей своим местопребыванием Женеву (Швейцария). Без участия императорской России эта международная организация не могла отвечать тем целям, ради которых она была учреждена. После прихода к власти Гитлера и Муссолини, так называемые «державы оси» — Германия, Италия и Япония — вышли из ее состава, и Лига Наций, почти утратив свое назначение, не была способна предотвратить Второй мировой войны и прекратила свое существование.

Когда закончилось это новое мировое бедствие, наследницей Лиги Наций оказалось вновь учрежденная Организация Объединенных Наций с ее многочисленными разветвлениями. Здесь

так же, как и в Лиге Наций, отсутствие главного уравнивающего рычага в международной политике — императорской России — обесценило эту новую международную организацию. Но преемственность всех этих учреждений, ведущее свое начало от глубокого замысла императора Николая II, не изгладилась из памяти народов всего мира.

Желающие в этом убедиться, могут посетить Центральные Учреждения Организации Объединенных Наций в гор. Нью-Йорке, где в здании Секретариата, на первом этаже, на почетном и видном месте, выставлена для всеобщего обозрения подлинная грамота с призывом ко всем государствам принять участие в Гаагской мирной конференции 1899 года, за собственноручной подписью Императора Всероссийского Николая II.

IX

Русско-японская война 1904–1905 гг. Заключение мира на выгодных условиях, благодаря непоколебимой воле императора Николая II

В январе 1904 года вспыхнула Русско-японская война. Япония, подстрекаемая Англией и США, начала военные действия, вопреки международному обычаю, без объявления войны, внезапным нападением, в ночь на 27 января, на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура (подобная стратегия, по-видимому, стала японской традицией. В 1894 году, таким же образом, без объявления войны, Япония начала военные действия против Китая, а во время Второй мировой войны, в 1941 году, напала на США, атаковав американский флот в Перл Харборе, на Гаваях). Война была трудной. Связь с осажденным Порт-Артуром, отстоящим на 8000 верст от Центральной России, поддерживалась однокорейным Великим Сибирским путем, причем часть его, Круто-байкальская дорога, еще только заканчивалась (во время войны эта дорога и вторая колея на всем протяжении Великого Сибирского пути были закончены). Помимо колоссальных трудностей, вызываемых огромными расстояниями*, миролюбивой России, не готовой

* На Западе поняли беспрецедентные трудности этой борьбы за десятки тысяч верст от источников силы страны только через пятьдесят лет, когда могущественная держава — США, полностью владея путями сообщения

к войне, требовалось, вследствие ее обширной территории, время для мобилизации своих ресурсов, и, как для пуска в ход гигантского махового колеса, необходимы были колоссальные усилия. Однако все эти затруднения были успешно преодолены. Хотя 19 декабря, после десятимесячной героической защиты, Порт-Артур пал, и, таким образом, первый год войны закончился для России неудачно, а затем последовал ряд поражений на полях Маньчжурии, тем не менее, время работало на Россию. К началу лета 1905 года на театре военных действий была сосредоточена могущественная армия, прекрасно вооруженная и численно превосходящая противника, причем приток сил продолжался быстрым темпом. Русские были воодушевлены подготовкой к переходу в наступление и — морально и материально — были готовы к тому, чтобы сбросить японцев в море. К этому моменту Россия только начинала борьбу, при блестящем экономическом положении, тогда как Япония была совершенно истощена. Приведем только один показательный факт для сравнения экономического положения обеих стран: налоговое бремя в связи с военными расходами возросло в Японии на 85%, тогда как в России всего лишь на 5%.

Однако более серьезная опасность, чем японцы, угрожала, как и во время Первой мировой войны, со стороны «внутреннего врага»: революционных партий, широко поддержанных левой интеллигенцией и пресловутой «общественностью». Все эти предатели своей Родины, из которых некоторые доходили до того, что посылали Микадо телеграммы с пожеланиями победы или с поздравлениями по случаю поражения русских, напрягали все свои силы к тому, чтобы, воспользовавшись войной, создать смуту в стране и вызвать беспорядки для свержения существующего государственного строя. Япония, как и в последующей войне Германия, опозорила свою честь и достоинство применением бесчестного способа ведения войны, финансируя русскую революцию с помощью огромного количества золота. В этом грязном деле участвовали и ее союзники.

и располагая не только морскими, но и воздушными транспортными средствами, не смогла одолеть крохотный Вьетнам и была вынуждена отказаться от продолжения этой колониальной войны.

* * *

При таких обстоятельствах, 23 мая 1905 года государь получил, через посла Соединенных Штатов Америки в Петербурге, предложение президента Т. Рузвельта о посредничестве для заключения мира. Государь дал свое согласие, но только при условии такого же предварительного согласия со стороны Японии; никоим образом не должно было создаться представление, будто Россия просит мира. Посол, в телеграмме Рузвельту, писал, что самообладание государя произвело на него сильное впечатление.

Созыв конференции для переговоров о мире был назначен на 27 июля в гор. Портсмуте, в США. Главным русским уполномоченным был назначен С. Ю. Витте. Давая ему широкие полномочия, Государь поставил, однако, два условия: ни гроша контрибуции, ни пяди земли; сам Витте считал, что следует пойти на гораздо большие уступки. «Я никогда не заключу позорного и недостойного великой России мира», — сказал государь (*Тихменев Н. М. Ор. cit. С. 6*), и продолжал усиливать армию в Маньчжурии, готовясь к продолжению войны. Последнее слово Государь оставлял за собой.

Японская делегация выдвинула свои условия, из которых некоторые были неприемлемы для достоинства России. Тем не менее Витте — этот человек несомненно большого государственного ума и сильной воли — настаивал на их принятии. Кроме того, на государя было оказано сильное давление в пользу мира со стороны американского президента Рузвельта, кайзера Вильгельма II и Франции.

Государь решительно отказался принять условия Японии и выставил свои требования, приказав Витте, в случае несогласия японцев, прервать переговоры. Кажется, что мирные переговоры зашли в тупик. На заседании 16 августа русская делегация огласила свое предложение, заканчивающееся следующими словами: «Российские уполномоченные имеют честь заявить, по приказу своего августейшего повелителя, что это последняя уступка, на которую Россия готова пойти с единственной целью придти к соглашению» (*Ольденбург С. С. Ор. cit. С. 297*). Никто не сомневался, что японцы отвергнут русское предложение. После короткого молчания, главный японский делегат Комура ровным голосом сказал, что японское правительство, в целях восстановления мира, принимает эти условия!

Присутствовавшие, — и в том числе сам Витте, — были ошеломлены. Для государя внезапное согласие японцев на его условия было не менее неожиданным, чем для участников Портсмутской конференции (с той разницей, что он желал их отклонения). Телеграмма Витте гласила: «Япония приняла требования относительно мирных условий и, таким образом, мир будет восстановлен, благодаря мудрым и твердым решениям Вашим и в точности согласно предначертаниям Вашего Величества. Россия остается на Дальнем Востоке великой державой, каковой она была до днесь и останется во веки»*.

Дипломатическая победа в Портсмуте показывает, что император Николай II, несмотря на оказанное на Него со всех сторон давление, был единственным человеком, правильно оценившим шансы сторон, и что этот успех всецело и исключительно принадлежит ему**.

Х

Рождение наследника цесаревича Алексея Николаевича.

*Гемофилия. Тяжкое бремя августейших родителей
и их мужественная борьба с болезнью*

В первый год Русско-японской войны, 30 июля/12 августа 1904 года, в России совершилось, наконец, долгожданное радостное событие: рождение наследника цесаревича Алексея Николаевича. Радость царской четы была безграничной: эти месяцы были самыми счастливыми месяцами Их супружеской жизни. «Царевич был

* Не такого мира ожидали упоенные вестями о победах японские народные массы. Когда условия договора были опубликованы, в Японии разразились сильнейшие волнения; города покрылись траурными флагами; на улицах воздвигались баррикады, жгли здание официальной газеты «Кокумин»; но когда дело дошло до ратификации в парламенте, — протесты смолкли: «Характерен же, в самом деле, факт», заявил, защищая договор, японский главнокомандующий Ояна, «что после целого года, победоносно завершившегося для нас “Мукденом”, японская армия в течение пяти с половиной месяцев не решилась перейти в наступление».

** Американский исследователь эпохи Т. Деннет писал в 1925 г.: «Мало кто теперь считает, что Япония была лишена плодов предстоявших побед. Преобладает обратное мнение. Многие полагают, что Япония была истощена уже к концу мая и что только заключение мира спасло ее от крушения или полного поражения в столкновении с Россией» (Tyler Dennet. Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925 (p. 297)).

одним из самых прелестных детей, какого можно было себе представить, с его прекрасными светлыми кудрями и большими сероголубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами. Он имел свежий розовый цвет лица совершенно здорового ребенка и, когда он улыбался, на его полных щеках вырисовывались две маленькие ямочки» (*Жильяр Пьер*. Тринадцать лет при Русском Дворе. Издательство «Лев». Париж, 1978. С. 10).

Но это величайшее счастье длилось недолго. Через несколько месяцев оно уступило место ужасной трагедии, так как было обнаружено, что августейший младенец унаследовал от своей английской прабабки, королевы Виктории, неизлечимую страшную болезнь — гемофилию (первые признаки болезни появились, когда наследнику было всего лишь шесть недель), хроническое тяжелое заболевание на почве пониженной свертываемости крови. Всякое кровотечение, вызванное даже мелким ранением, представляет для больного серьезную опасность; всякий ушиб, даже легкий, может вызвать внутреннее кровоизлияние, чрезвычайно болезненное и угрожающее жизни. Болезнь наследника, как дамклов меч, нависла над внутренней жизнью августейших родителей и потребовала с их стороны невероятного напряжения душевных и духовных сил для борьбы с выпавшим на их долю испытанием.

Если в младенческие годы Наследника было легко уберечь от угрожавших ему опасностей, то с течением времени, когда он начал подрастать, эта задача становилась все труднее и труднее, причем она усложнялась тем, что Алексей Николаевич был необыкновенно живым, деятельным и жизнерадостным ребенком. Душевная драма Их Величеств усугублялась еще тем обстоятельством, что по политическим и династическим соображениям, чтобы не давать возможность врагам России и существующего государственного строя использовать болезнь наследника в своих преступных целях, они были вынуждены ее скрывать, и, таким образом, она приобретала значение как бы государственной тайны. Не только народ, но даже многие лица из числа самых приближенных, не были осведомлены об истинном положении вещей. Для бдительного надзора и предупреждения ушибов, к наследнику были приставлены два матроса гвардейского экипажа, плававших на императорской яхте «Штандарт»*. Несмотря на все

* Один из них, К. Г. Нагорный (ныне св. муч. Климент), беззаветно преданный царской семье, добровольно последовал с ней в ссылку в Сибирь и геройски

принятые меры предосторожности, избежать ушибов полностью было невозможно, и время от времени случались мучительные припадки страшной болезни. Самый сильный из них произошел осенью 1912 года в Спале (императорская охота, близ Беловежской Пущи, в Польше), в результате несчастного случая, во время пребывания царской семьи в Беловежской Пуще. Прыгая в лодку, Наследник оступился, упал и сильно ударился верхней частью ноги об уключину. Вначале казалось, что это несчастье не будет иметь серьезных последствий. Через неделю, проведенную в постели, наследник настолько поправился, что семья переехала в Спалу. Здесь, после поездки в коляске на прогулку, вместе с государыней, по тряской дороге, болезнь возобновилась с необычайной силой. Обнаружилось сильное внутреннее кровоизлияние в паху, причинявшее больному нестерпимые мучительные боли. Лейб-медик д-р Е. С. Боткин* вызвал из Петербурга лучших специалистов — профессоров Остроградского, Раухфуса и Федорова с его ассистентом др-м Деревенко. Им пришлось ждать четыре дня, прежде чем они смогли произвести тщательный осмотр больного, так как невыносимая боль не допускала этой возможности. На консультации они объявили состояние здоровья наследника безнадежным (*Танеева А. А. (Вырубова)*). Страницы из моей жизни. С. 57–59. Русская летопись. Париж, 1922). Профессор Федоров предупредил государя, что кровоизлияние в области желудка продолжается и что конец может наступить ежедневно (*Robert K. Massie. Nicholas and Alexandra*. С. 184. Garden City, N. Y., 1967). По настоянию министра Двора графа Фредерикса, государь разрешил оповестить русский народ о болезни наследника и публиковать бюллетени о состоянии его здоровья. По всей необъятной России во всех церквах при огромном стечении народа, ежедневно служились молебны о выздоровлении наследника. Казанский собор в С.-Петербурге был полон молящимися днем и ночью. Три недели наследник находился между жизнью и смертью, день и ночь он мучительно стонал, и даже часто кричал от нестерпимой боли. Для окружающих было настолько

погиб в Екатеринбурге. 1 ноября 1981 г. Он был причислен Русской Православной Церковью Заграницей к лику святых.

* До конца разделивший судьбу царской семьи, д-р Е. С. Боткин (ныне св. муч. Евгений) был расстрелян вместе с ней в подвале Ипатьевского дома, а в 1981 г. — канонизирован одновременно с царственными мучениками.

тяжело слышать постоянные стоны царственного страдальца, что иногда, проходя мимо его комнаты, они не могли удержаться и затыкали уши ватой. Между тем окружающая жизнь почти нисколько не изменилась. Официальные приглашения, завтраки и обеды не отменялись, так как Их Величества не хотели, чтобы настоящая болезнь Алексея Николаевича стала известна. Здесь впервые воспитатель наследника Пьер Жильяр был свидетелем необыкновенной выдержки, самообладания и силы воли императора. «Несколько раз казалось, что Алексей Николаевич умирает. Однажды, сидя за завтраком, государь получил записку от государыни, которая оставалась с сыном. Прочтя записку, государь сильно побледнел и знаком показал профессору Федорову встать из-за стола: императрица писала, что страдания маленького Алексея Николаевича настолько сильны, что можно ожидать самого худшего. Но Алексей Николаевич продолжал дышать и агония продолжалась. На следующий день, 10 октября, вечером, когда лица ближайшей свиты сидели в гостиной государыни, бессильные чем-либо помочь, неожиданно в дверях появилась принцесса Ирина Прусская, сестра государыни, приехавшая помочь и утешить сестру. Бледная, как полотно, она просила всех разойтись, так как состояние наследника было безнадежно. Алексея Николаевича причастили Св. Таин, и бюллетень, отправленный в этот вечер в С.-Петербург, был отредактирован в предвидении того, что следующий бюллетень будет содержать сообщение, что его императорское высочество наследник цесаревич скончался (*Robert K. Massie. Op. cit. С. 184–185*). А. А. Вырубова пишет в своих воспоминаниях: «Я вернулась обратно во дворец в 11 час. вечера; вошли Их Величества в полном отчаянии. Государыня повторяла, что ей не верится, чтобы Господь их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину (сибирский крестьянин Тобольской губернии, обладавший чудесным даром врачевания. Это был единственный человек, облегчавший страдания наследника и умевший прекращать его припадки гемофилии). Он ответил: «Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора Его не мучают» (*Танеева А. А. (Вырубова). Op. cit. С. 59*). И действительно, через день кровоизлияние остановилось и наступило медленное выздоровление. Доктора были в недоумении, считали это явление с медицинской точки зрения необъяснимым, и признали это исцеление чудесным. Один из позднейших американских исследователей писал: «Роль

телеграммы Распутина в выздоровлении Алексея Николаевича в Спале считается одним из самых таинственных эпизодов всей легенды о Распутине» (*Robert K. Massie. Ibidem. С. 185*).

Когда император и императрица увидели, что наука, медицина, бессильна спасти их сына, они со всей силой своей пламенной веры обратились к Богу. Их вера и смирение были безграничны. В самые худшие дни, между 6-м и 10-м октября, после того как, в результате консилиума, доктора вынесли свой безнадежный приговор, кто-то из приезжавших в Спалу спросил императора о состоянии здоровья наследника. Государь спокойно и тихо ответил: «Надеемся на Бога». Как уже было сказано выше, по целому ряду соображений, Их Величества считали своим монаршим долгом скрывать, что наследник болен гемофилией. При таких обстоятельствах, чтобы вынести нравственную пытку, которую им пришлось выдержать в Спале, надо было обладать необыкновенной силой воли, и этот случай является одним из наиболее ярких примеров, подтверждающих наличие у них этой черты характера.

Выздоровление шло медленно и благополучно закончилось только летом следующего года. Для врачей оно осталось необъяснимым. Но болезнь продолжала быть неизлечимой. Между тем, чем старше становился наследник, тем труднее становилось ограждать его от случайностей. Малейший порез или ушиб, для здорового ребенка, быть может, даже не заметный, кровоизлияние из носа, чрезмерное мускульное напряжение — угрожали ему смертельной опасностью. С другой стороны, Их Величества ясно понимали, что постоянный бдительный надзор должен был пагубно отразиться на нормальном физическом и нравственном развитии ребенка; превратить его в бесхарактерное существо, без уверенности в самом себе, и даже беспомощное в нравственном отношении; способствовать развитию в нем способности уклоняться от этого надзора и сделать его скрытым и угрюмым; короче говоря, нравственно его искалечить. Однако доктора, боявшиеся лежащей на них страшной ответственности, не соглашались предоставить наследнику больше самостоятельности. Перед августейшими родителями встал трудный и мучительный вопрос: как совместить эти два противоречивые требования воспитания. И вот, благодаря своей безграничной любви к наследнику, пожившись на волю Божию, они приняли, при поддержке воспитателя наследника Пьера Жильяра, самоотверженное решение,

лишавшее их всякого спокойствия: пойти на риск и предоставить Алексею Николаевичу больше самостоятельности, постоянно расширяя его свободу действий. Их мужественное решение может служить примером для всех родителей, имеющих детей, страдающих этой страшной болезнью.

Вначале все шло хорошо, но через некоторое время случилось то, чего опасались. В классной комнате цесаревич, влезая на скамейку, поскользнулся и, падая, ушиб правое колено об угол одного из предметов мебели. Последовало внутреннее кровоизлияние и новый мучительный припадок болезни, но не такой серьезный и продолжительный, как в Спале.

На этот раз Пьер Жильяр, недавно официально назначенный на должность воспитателя наследника, участвовал в уходе за ним и был ближайшим свидетелем хода болезни, невыносимых мучений царственного страдальца, самоотверженности императрицы, мужества государя и трогательного проявления горячей любви августейших сестер. «Как хорошо я теперь понял, — пишет он, заканчивая эту главу своих воспоминаний, — тайную драму этой жизни и как легко мне стало восстановить этапы этого долгого пути на Голгофу» (*Pierre Gilliard. Le tragique destin de Nicholas II et de sa Famille. Payot, Paris, 1929, p. 33*).

XI

Революция 1905 года. Принятие решительных мер к усмирению волнений, прекращению террора и восстановлению порядка

Возвращаясь к хронологическому обзору главных событий царствования императора Николая II, чтобы подчеркнуть факты, выявляющие его исключительную силу воли, напомним, что наследник родился в самый разгар войны с Японией (Главкомандующий русскими вооруженными силами в Маньчжурии просил государя императора, и получил на то высочайшее соизволение, чтобы наследник цесаревич стал крестником всей действующей армии) и что с этого времени, из-за страшной болезни сына, государь лишился всякого душевного спокойствия. Всю тяжесть бремени государственной власти государь нес под гнетом постоянной тревоги за жизнь наследника, постоянных мучительных мыслей, подавляемых несокрушимой верой в помощь Божию и усилиями воли. Война закончилась Портсмутским миром.

Для широких кругов населения она прошла почти незаметно, причем использована была лишь одна десятая часть военной мощи страны («Британская энциклопедия»). Но для России был страшен не столько японец, сколько враг внутренний, не только лишивший ее возможности победоносно закончить войну, но угрожавший самым основам Российского государства. Начав военные действия с коварного нападения, Япония впервые применила затем новый бесчестный способ борьбы: финансирование революционного движения для устройства внутренних беспорядков и свержения существующего государственного строя. Для этой цели она расходовала огромное количество золота. Но в этой подрывной работе она не была одинока: пожертвования поступали также от американских миллионеров и из других иностранных источников (к этому же способу прибегла Германия во время последующей мировой войны, когда наблюдалась аналогичная картина).

Из кого же состоял этот «внутренний враг», объединявший изменников и предателей своей Родины, а также лиц нерусского происхождения, но пользовавшихся правами русских граждан и добивавшихся в России господствующего положения? Революционная газета «Освобождение», издававшаяся за границей, подсчитывая силы «освободительного движения», дает с некоторым преувеличением ответ на вопрос «Что у нас есть?»: «Вся интеллигенция и часть народа; все земство, вся печать, часть городских дум, все корпорации (юристы, врачи и т. д.)... Нам обещали поддержку социалистические партии... За нас вся Финляндия... За нас угнетенная Польша и изнывающее в черте оседлости еврейское население» (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 261*). Та же газета не скрывала своих опасений: «Если русские войска одержат победу над японцами... то свобода будет преспокойно задушена под крики ура и колокольный звон торжествующей империи» (*Ibidem. С. 260*).

Подрывная работа вскоре привела к желаемым результатам. С наступлением второго года войны, внутренняя смута стала распространяться по всей территории огромной страны. Беспорядки начались в С.-Петербурге в январе 1905 года. 4 февраля в Москве был разорван на части бомбой, брошенной террористами, августейший дядя государя императора, великий князь Сергей Александрович (жен. на сестре государыни великой княгине Елизавете Феодоровне, ныне св. муч. благоверной вел.

кн. Елисавете, канонизированной в 1981 г.), много лет занимавший пост московского генерал-губернатора. Революционные вспышки, манифестации, забастовки, террористические акты стали обычным явлением. Еще более серьезный характер носили военные бунты в армии и во флоте. Но, наряду с этим, уже в июле были отмечены инциденты «обратного характера»: в Балашове, например, толпа народа осадила здание, где происходило собрание революционных земцев и интеллигенции, и грозила с ними расправиться; в Нижнем Новгороде портовые рабочие разогнали революционную демонстрацию, и т. д. Заключение мира с Японией не привело к усмирению обезумевшего народа, а, напротив, усилило рост волнений.

В декабре начались беспорядки в Москве, уже давно стоявшей во главе либерально — революционной русской интеллигенции, пресловутой «общественности». 5 декабря в древнюю столицу России прибыл новый генерал-губернатор адмирал Ф. В. Дубасов. Принимая представителей администрации, он произнес знаменательную речь: «В этой самой Москве, где билось сердце России горячей любовью к родине, свило себе гнездо преступная пропаганда. Москва стала сборищем и рассадником людей, дерзко восстающих для разрушения основ порядка... Я не поколеблюсь ни на одну минуту и употреблю самые крутые меры: я буду действовать, как повелевает мне долг» (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 332*). 9 декабря вспыхнуло открытое восстание, продолжавшееся десять дней. Вызванный из Петербурга л.-гв. Семеновский полк, во главе со своим доблестным командиром ген. Г. А. Мином (в отместку за подавление московского восстания, доблестный ген. Мин был вскоре убит молодой террористкой), быстро справился с положением, и 18 декабря порядок был полностью восстановлен.

Еще более любопытным примером того, как горсть людей с решительным командиром оказалась сильнее анархической стихии, может служить усмирение Сибири. К моменту окончания войны в Маньчжурии скопилась миллионная армия, в том числе до ста тысяч демобилизованных и запасных, стремившихся вернуться в Россию. Питаясь смутными слухами о происходящих там событиях, вся эта масса людей подвергалась революционной «обработке». Дисциплина ослабла. К концу декабря 1905 г. сложилось такое положение, что весь Великий Сибирский путь, на протяжении 8 тысяч верст, был забит эшелонами бесчинству-

ющей солдатни. Начальство растерялось. Прямое телеграфное сообщение с ген. Линевичем и Куропаткиным прекратилось, и связь поддерживалась лишь через Шанхай. Фактически, вся Сибирь оказалась в состоянии анархии. На многих станциях образовались стачечные комитеты и местные центры революционной власти. Тогда государь возложил на ген. бар. Меллер-Закомельского задачу очистить от революционеров Великий Сибирский путь. Этот энергичный человек немедленно приступил к действию. В ночь на Новый год, с отрядом всего лишь в двести молодцов, подобранных из варшавских гвардейских частей, он выехал из Москвы на экстренном поезде. Меллер-Закомельский действовал круто. Когда в поезде были обнаружены два агитатора, они были на полном ходу выброшены из вагона. На двух станциях стачечные комитеты были немедленно расстреляны. На другой станции революционная толпа заперлась в железнодорожном доме и пыталась оказать вооруженное сопротивление, но оно было быстро сломлено правильными залпами карательного отряда. Еще несколько таких фактов, молниеносно разнесенных телеграфом по всему пути, были достаточны, чтобы уже 20 января весь Сибирский путь был свободен, а 9 февраля ген. Меллер-Закомельский представлял государю свой отряд в Царском Селе. Эта экспедиция показала, как суровость, примененная вовремя, может предотвратить большие кровопролития (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 333–335*).

Между тем рост террористических актов распространился на территорию всей России. Убивали не только высших представителей власти — министров, генерал-губернаторов, старших чинов армии и флота, администраторов и т. д., — но даже простых городских. Убивали «за должность», и, конечно, прежде всего тех, до кого было легче добраться.

При таких обстоятельствах государю необходимо было найти человека, который был бы способен выполнить двойную задачу: предпринять беспощадную борьбу с кровавыми и насильственными проявлениями революции и одновременно провести реформы, признанные необходимыми. И Он нашел его в лице одного из наиболее выдающихся русских государственных деятелей — П. А. Столыпина, занимавшего в то время пост министра внутренних дел. Этот выбор был чрезвычайно удачен, ибо Столыпин как нельзя более подходил именно для такой роли. Человек с большим личным мужеством, способный быстро решать и энергично действовать,

выдающийся оратор, искренне преданный государю, убежденный монархист, он в то же время был опытным администратором, хорошо знакомым с аппаратом механизма власти. 11 июля 1906 года П. А. Столыпин был назначен премьер-министром (с сохранением поста министра внутренних дел).

25 августа в газетах появились одновременно два знаменитых документа: обширная программа правительственных мер и закон о военно-полевых судах.

Этот закон, которому предшествовал длинный перечень террористических актов последнего времени, вводил особые суды из офицеров, ведавшие только делами, где преступление было очевидным. Суд был справедливый и краткий. Между преступлением и карой проходило не более 3–4 дней. Эта мера была суровая, но необходимая: за 1906 год было убито 768 и ранено 820 представителей и агентов власти (Ibidem. С. 369–370), причем число убитых значительно превышало число казненных. За все время действия этих судов, по их приговорам было казнено 683 человека (Ibidem. С. 378).

Но убийства уже не устрашали; и в обществе они вызывали не сочувствие, а растущее возмущение.

Военно-полевые суды быстро справились со своей задачей, террор был прекращен, и к началу следующего 1907-го года революцию можно было считать окончательно подавленной. Порядок был восстановлен, жизнь вернулась в нормальную колею, и Россия смогла, наконец, вздохнуть спокойно.

ХII

Учреждение Государственной Думы и ее история

Тем не менее революционные годы оставили пагубный зародыш будущих смут и внесли важное изменение в государственный строй России, в виде создания нового законодательного учреждения, получившего название Государственной Думы, сильно тормозившего творческую государственную работу и ставшего центром революционной деятельности, сыгравшего роковую роль во время февральской смуты 1917 года. Революционеры, еще со времен декабристов, стремились постепенно достичь своей цели: сначала ввести конституционный строй, затем парламентаризм по западному образцу и, наконец, свержение монархии и учреждение республики.

Император Николай II был просвещеннейшим монархом, глубоко верующим человеком, твердо усвоившим учение св. Православной Церкви, проникнутым сознанием своей высокой миссии православного самодержавного монарха, помазанника Божьего, наследника Византии, призванного осуществить идею Третьего Рима, а также человеком глубоко образованным политически, бывшим учеником выдающегося юриста и государственного деятеля К. П. Победоносцева, долгое время занимавшего должность обер-прокурора Святейшего Синода, который сумел разъяснить ему, на примерах истории, достоинства и недостатки различных политических систем и воспитать в нем твердое убеждение, что православная русская самодержавная монархия есть наивысшая, наиболее совершенная и наиболее подходящая для русского народа форма правления*. Вот те начала, на основе которых император Николай II, по примеру своих предков, вел государственный корабль, чтобы обеспечить народу мир и благоденствие.

Государь был решительным противником введения в России конституционного образа правления, и в этом вопросе он оставался непоколебимым до конца. Отнюдь не цепляясь за свои неограниченные права самодержавного монарха, он мог бы смело повторить слова своего августейшего деда императора Александра II, сказавшего в 1865 г. земским представителям: «Я подписал бы любую конституцию, если бы у меня была уверенность, что это послужит на благо России. Но я знаю, что если бы я сделал это сегодня, то завтра же Россия погибла бы» (*Tarsaidze A. Wife before God, The Macmillan Company. New York, 1970. С. 81*).

В своем классическом труде «Монархическая государственность», Лев Тихомиров пишет, что сущность образа правления определяется источником власти. В самодержавной монархии этим источником является господь Бог, и носитель верховной власти есть помазанник Божий, тогда как в монархии конституционной источником власти является народ, и поэтому, по существу, такая монархия не отличается от республики (*Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Буэнос-Айрес: Издательство «Русское слово», 1968*).

* Невежественные и в большинстве своем чуждые Православию и даже вообще христианству, политические противники государя называли его в своей клеветнической литературе человеком неумным, малообразованным, слабым и с культурным уровнем армейского (почему «армейского»?) полковника!

Государь искренне стремился к тому, чтобы привлечь к участию в управлении страной «лучших людей», но он хотел это сделать не по западному парламентскому образцу, а в соответствии с искони русским началом соборности. Он слишком хорошо знал и понимал действительную цену западной демократии, этой величайшей лжи — или, по выражению одного американского профессора, «этой священной коровы»* — нашего времени. Государь глубоко сознавал свой высокий долг царского служения и много раз говорил: «Министры могут меняться, но я один несу ответственность перед Богом за благо нашего народа». Он знал, что власть может силою подавить оппозицию, но он думал о том, как дальше строить русскую жизнь при обнаружившемся разладе между властью и широкими кругами «общественности». Поэтому, желая пойти на уступки, ради умиротворения политических страстей, император подписал 17 октября 1905 года манифест о предоставлении населению широких гражданских прав и о законодательных правах нового государственного учреждения — Государственной Думы. Все законопроекты, а также государственный бюджет, должны были представляться на утверждение Думе, но последнее слово государь оставил за собой.

Открытие Государственной Думы состоялось в торжественной обстановке 27 апреля 1906 года. Государь сказал приветственное слово, которое произвело на всех, в том числе даже левых депутатов, сильное впечатление, и еще раз выявило его талант выдающегося оратора.

Государь надеялся, что эти «лучшие люди» земли Русской будут способствовать проведению новых реформ, помогут выявить действительные и наиболее важные и срочные нужды населения и облегчать управление великой страной. К сожалению, все его опасения полностью оправдались. Политическая связь большинства депутатов Думы с революцией оказалась слишком глубокой. Вместо плодотворной работы, члены Думы были заняты партийными интересами и, прежде всего, продолжением своей революционной работы в целях свержения самодержавия. Как это показало будущее, среди «лучших людей» имелось большое число предателей

* Профессор Нью-Хемпширского университета: *Desrosiers C. High Noon or Midnight: The Alternatives facing the Orthodox State*, p. 2 (unpublished manuscript). Русский перевод готовится к печати: «Православная государственность на повороте к величайшему расцвету или упадку».

и изменников Родины и даже просто государственных преступников. Дума оказалась не только совершенно неработоспособным, но даже вредным и опасным учреждением, и, несмотря на четыре попытки улучшить положение путем перевыборов, все усилия государя оставались тщетными. Вот ее краткая позорная история.

I Дума (т. е. Дума первого состава), открывшаяся 27 апреля 1906 года, просуществовала всего лишь два месяца и была распущена 9 июля, вследствие незаконных действий.

II Дума открылась 20 февраля 1907 года. Вскоре выяснилось, что левые партии широко пользуются депутатской неприкосновенностью для своей революционной деятельности. 1 июня премьер-министр Столыпин потребовал снятия этой привилегии со всех членов думской фракции социал-демократов и их ареста, предъявив неопровержимые доказательства их участия в устройстве военного заговора. Большинство из них были арестованы, но некоторые успели скрыться. 3 июня Дума была распущена*.

III Дума была более долговечной, вследствие изменения избирательного закона. Она просуществовала с 1 ноября 1907 года до 8 июня 1912 года.

Наконец, последняя, IV Дума, открывшаяся в декабре 1912 года, заседавшая во время Великой войны и заклеившая себя позорным клеймом предательства и измены, стала центром революционной деятельности и возглавила февральский бунт 1917 года, выросший в революцию.

Продолжавшаяся в течение многих лет политическая борьба с Государственной Думой ложилась на Государя тяжелым бременем и была бы непосильной для безвольного, слабого человека.

XIII

Деятельность П. А. Столыпина. Роль императора Николая II в проведении им земельной реформы и других важных реформ. Убийство Столыпина. Мужество и бесстрашие государя

Между тем, несмотря на внутренние беспорядки, период между двумя войнами — или, точнее, между восстановлением порядка летом 1907 года и началом Мировой войны 19 июля/1 августа

* На одном из заседаний II Думы П. А. Столыпин сказал о левых депутатах и их единомышленниках свои знаменитые слова: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» (*Ольденбург С. С. Ор. cit. С. 379*).

1914 года — был периодом наивысшего расцвета России, когда она, согласно статистическим показателям, гигантскими шагами шла вперед во всех областях государственной и народной жизни. И прав был П. А. Столыпин, заявивший в газетном интервью в октябре 1909 года: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России» (Новое время. 3. X. 1909 (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 436*)). Выдающийся государственный деятель П. А. Столыпин, в тесном сотрудничестве с государем и с помощью его горячей поддержки, провел целый ряд важных реформ, направленных на благо народа. Важнейшей из них была его знаменитая земельная реформа, в результате которой Россия должна была стать страной мелких земельных собственников-фермеров, но более богатых, чем в других странах. Преждевременная смерть от руки террориста-еврея, 1 сентября 1911 года, помешала ему завершить эту реформу.

Убийство Столыпина произошло на глазах государя, причем Его Величество проявил такое же мужество и бесстрашие, как и его августейший дед император Александр II в момент злодейского на него покушения. Оно произошло в театре, во время торжественного спектакля. Чтобы остановить панику, оркестр заиграл народный гимн, и государь, подойдя к барьеру царской ложи, стал у всех на виду, как бы показывая, что он — тут, на своем посту. Так он простоял, — хотя многие опасались нового покушения, — пока не смолкли звуки гимна.

Однако трагическая кончина П. А. Столыпина не изменила курса русской государственной политики: ее направление было предначертано самим государем.

XIV

Характеристика императора Николая II как выдающегося правителя президентом Французской республики Лубэ. Период наивысшего расцвета Российской империи. «Россия — страна неограниченных возможностей»

В своих воспоминаниях, бывший президент Французской республики Эмиль Лубэ пишет об императоре Николае II следующее: «О русском императоре говорят, что он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Русский император сам проводит свои идеи. Он защищает их с постоянством и большой силой. У него есть зрело продуманные и тщательно выработанные планы. Над осу-

ществлением их он трудится беспрестанно» (новогодний номер венской газеты «Neue Freie Pressa» на 1910 год. Ibidem. С. 437).

Необыкновенно быстрый темп всестороннего развития России в эти годы был отмечен также нашими друзьями и недругами за границей, причем сильно обеспокоил этих последних. Среди многочисленных благоприятных отзывов о России следует отметить ноябрьский номер 1914 года серьезного и весьма популярного американского журнала «The National Geographic Magazine», целиком посвященный России и озаглавленный: «Россия — страна неограниченных возможностей» («Russia — The Land of Unlimited Possibilities». National Geographic Magazine, November 1914). Иллюстрированный материал, помещенный в этом выпуске, был, очевидно, собран незадолго до начала Великой Войны.

XV

Церковная деятельность императора Николая II. Святая Русь. Апостольский «Удерживающий» оплот добра в мире.

Желание государя восстановить патриаршество и его готовность к отказу от монаршего служения и принятия на себя подвига служения на патриаршем престоле

Среди огромных заслуг императора Николая II в самых различных областях государственной жизни, видное место занимают его исключительные заслуги в церковной деятельности. Если бы тому не помешала революция, его царствование вошло бы в историю Русской Православной Церкви, как самое светлое со времен Московской Руси и воссоединило бы Россию XX века с благочестивой Святой Русью наших предков. И, если бы не оскудела Русская земля людьми высокого калибра, достойными своего государя, помазанника Божьего, то, как мы увидим ниже, он явил бы миру небывалый пример монаршего подвига необыкновенной духовной красоты.

«Какое, братие, великое, какое неизъяснимое утешение знать и видеть, что Державный Вождь русского народа, коему вверены Богом судьбы отечества нашего, в основание всего в своем царстве полагает не иное что, как благочестие, сам лично давая пример глубокого, чисто древле-русского благочестия, любви к благолепию служб церковных, почитания святых русских, забот и усердия к прославлению великих подвижников святой богоугодной жизни» — говорил перед мировой войной в Екатеринбургском

соборе его настоятель, о. Иоанн Сторожев*, которому волею Божиею, уготовано было в воскресенье 1/14 июля 1918 г. служить в Екатеринбургe же, в Ипатьевском доме, обедницу и давать святой Крест для целования, так верно им обрисованному, государю императору и его августейшей семье (*Тальберг Н. К роковой*

* Протоиерей о. Иоанн Сторожев, имя которого упоминается во всех трудах, касающихся Екатеринбургского злодеяния, еще ждет своего биографа. Он был большим русским человеком, горячим патриотом и истинно-православным пастырем. Ему было суждено быть последним верноподданым русским православным человеком, видевшим в живых своего царя и его августейшую семью за два дня до принятия ими мученических венцов. После крушения Белого движения, он оказался в гор. Харбине, в Маньчжурии, бывшем в то время центром русской эмиграции на Дальнем Востоке, где он преподавал Закон Божий в средних учебных заведениях. Пишущий эти строки был одним из его многочисленных учеников, начиная с 1920 г., когда он еще не вполне оправился после душевного потрясения, пережитого им в Екатеринбургe.

Он получил прекрасное юридическое образование, после чего поступил в судебное ведомство, где быстро выдвинулся, как блестящий прокурор; однако, обязанности обвинителя не соответствовали его душевному складу, и чрез некоторое время он перешел в адвокатуру; но здесь он окончательно разочаровался в современном судопроизводстве, хотя бы и наиболее совершенном, каковым оно было в дореволюционной России, и, оставив свою карьеру, обещавшую ему блестящее будущее, он нашел, наконец, свое настоящее призвание и, по духовному влечению, принял священство.

Богослужения, которые о. Иоанн совершал в большом школьном храме, открытом также и для посторонних, привлекали множество молящихся. Служил он проникновенно, передавая присутствовавшим свою высокую духовную настроенность и горячую, от сердца исходящую, искреннюю веру. Проповеди его всегда отличались глубиной содержания и красотой формы. Будучи широко образованным человеком, обладавшим недюжинным ораторским талантом, он умел, как исключительно ревностный пастырь, проникать в самую глубину души своих слушателей. Но особенно сильное впечатление производили богослужения, совершаемые им в траурные дни царской семьи, и проповеди, сказанные им после панихиды, в особенности в день ее убийства, 4/17 июля. Стоя на амвоне перед своей паствой, он держался прямо, говорил громким, но ровным и спокойным голосом. Взор его был устремлен вдаль, поверх толпы молящихся, и из его голубых глаз неудержимо лились по щекам слезы. Казалось, что в эти минуты он наяву видел перед собой царственных мучеников и что они невидимо присутствуют в храме. Вместе с ним плакала почти вся церковь, местами слышались рыдания. Каждое слово затрагивало самые сокровенные струны души и сердца. Эти проповеди оставляли неизгладимо сильное впечатление на всю жизнь. Даже сейчас, через шестьдесят с лишним лет, их нельзя вспоминать без глубокого душевного волнения.

дате. Церковная деятельность царя-мученика // Православная жизнь. № 3. 1952).

То же самое говорил, обращаясь к государю непосредственно, 3-го сентября 1912 года, Преосвященный Антоний (Храповицкий), архиепископ Волынский, приветствуя царя, присутствовавшего на освящении возобновленного древнего храма Златоверхо-Васильевского собора в Овруче, сооруженного впервые св. вел. кн. Владимиром в 997 году: «В сердце народном у тебя, государь, нет на земле соперников, а есть они только на небе. Православный народ твой никого так на земле не любит, как своего царя. Но он любит на небе святых Божьих угодников, тех которые, будучи в теле, жили на земле жизнью блаженных ангелов. Какова же бывает радость народа, когда он своими глазами видит, что эти две его основные привязанности не противопоставляются одна другой, но, напротив, совпадают: когда он, собираясь на поклонение святым угодникам, видит среди себя государя своего, покидающего свои столицы и дворцы и поспевающего в глухой угол своей необъятной страны для поклонения православной святыне. И такие радости для народа русского не на сегодня только. В черные дни своей трудовой жизни он припомнит, что могущественный самодержец, его православный государь, стремится разделить молитвенные подвиги своего народа, что и он услаждает душу свою созерцанием Божественной святыни, что ему, как и деревенскому простецу-крестоносцу, более всего дороги и любезны Божие святые, их помощь и слава» (*Тальберг Н.* Ор. cit. // Православная жизнь. № 3. 1952).

Приведенные выше выдержки из проповедей двух выдающихся пастырей нашей Церкви показывают, как верно они понимали духовную настроенность своего царя и его влечение к идеалам Святой Руси, которую созидали, строили и защищали, не щадя живота своего, наши благочестивые предки. Эти святые идеалы продолжают до сего дня жить в сердце каждого человека, воспитанного в святом Православии и оставшегося верным и преданным сыном своей великой Родины. Они охватывают необыкновенно глубокое и широкое понятие, которое познается не только разумом, сколько ощущается сердцем. Для большинства наших современников оно стало малопонятным, а для иностранцев, за редкими исключениями, оно остается вовсе недоступным.

Мы попытаемся в кратких словах разъяснить, что представляла собой Святая Русь. В отличие от других народов, русская

нация есть порождение ее Церкви. Другие народы, до перехода в христианство, имели богатое языческое наследие. Русские славяне, напротив, до принятия святого Православия, не имели совершенно ничего: ни собственной государственности, ни развитого национального сознания, ни самобытной культуры. Благодатное семя христианского учения упало на девственно чистую почву восточно-славянских язычников и принесло наиболее богатые плоды чистой христианской веры, не засоренной ересями и какими — либо другими лжеучениями. Русский народ отдал христианству свою душу нетронутую. Церковь дала русским славянам все, начиная с письменности. Русскую азбуку изобрели свв. Кирилл и Мефодий, в первую очередь для перевода богослужебных и других церковных книг. Таким образом, был создан, так называемый, церковнославянский язык, на основе которого происходило дальнейшее развитие русской словесности, т. е. русского устного языка и письменного слова*. Крещение

* Революция 1917 г. остановила этот процесс. Русский язык был безобразно опошлен, а русская письменность изуродована введением так называемой «новой орфографии». Русские люди, пребывающие за границей, как это не удивительно, смирились с этим «завоеванием революции», будучи, как следует полагать, дезинформированными (см., например, возмутительную редакционную статью в журнале «Русский инвалид», выпуск № 173, стр. 3, октябрь 1981 г., Париж) и совершенно неосведомленными в этом вопросе, который требует, поэтому, разъяснения. Задача орфографии всякого языка состоит в том, чтобы возможно точнее передать в письменной форме невысказанную мысль или живую речь. Наше дореволюционное правописание, блестяще разрешившее все трудности этой задачи, достигло совершенства в осуществлении этой цели и стояло на первом месте среди современных языков. Оно представляло собой богатейшее тысячелетнее культурное наследие русского народа. Благодаря своему церковному происхождению, русская письменность, неразрывно связанная Промыслом Божиим с Церковью, отличалась этой драгоценнейшей особенностью, которой не обладал ни один народ. Во время революции это наследство было варварским образом уничтожено в ходе планомерного всероссийского разгрома церковных, национальных, исторических, культурных и других богатств нашей Родины. План изуродования русской письменности был задуман революционерами еще в первой половине прошлого столетия, когда зародилось революционное движение. Он был предпринят не по каким-либо «научным» или «академическим» соображениям, а исключительно по соображениям политическим или, точнее, антирелигиозным. Единственная цель этого плана состояла в том, чтобы разорвать тесную связь между русской письменностью и церковнославянским языком, оторвав наше правописание от его церковных корней. Во время смуты 1905–1906 гг. Российской Императорская академия наук, действуя под давлением революционных

Руси стало началом ее быстрого расцвета. Уже через одно поколение, при великом князе Ярославе Мудром, Киев стал одним из культурнейших центров Европы, и мы были в культурном отношении богаче большинства своих соседей.

После падения Киевской Руси, Церковь возродила русское государство, помогая небольшому Московскому княжеству объединить Русскую Землю в могущественную державу. Для этого требовалось полное напряжение всех народных сил. В XIV–XVI веках русские люди служили своему государю и государству «от младых ногтей», т. е. с юных лет, с 16-летнего возраста («новики») до глубокой старости, «елика сил хватит». Они служили с религиозным сознанием того, что их служба государству есть служение Богу, ибо сама государственная власть считала единственной целью своего существования служение Богу, Божией Правде и Божией Церкви. Русские люди той эпохи были убеждены в том, что они обязаны так самоотверженно, почти не имея личной жизни, служить государю и своему государству,

левых кругов, поручила особой подкомиссии разработать проект реформы русской орфографии, но не в целях ее улучшения, а упрощения, что неизбежно связано с ухудшением. Когда подкомиссия закончила свою работу, проект был опубликован в печати, но подвергся резкой критике со стороны большинства общественности, в том числе даже левых кругов, из числа принадлежавших к более высокому культурному уровню. В конечном счете как только революционный дурман рассеялся, Академия наук решительно отвергла этот проект, и вопрос о реформе нашей орфографии более не поднимался вплоть до революции 1917 г. Таким образом, утверждение, что эта реформа была якобы одобрена еще при царском правительстве, является чистым вымыслом. Однако, после прихода к власти масонского Временного правительства, оно самовольно, без одобрения Академией наук или какого-либо другого научно-академического органа, ввело забракованную «новую орфографию», которую было бы правильнее назвать «расцерковленной орфографией». Тем не менее с началом осенью нового учебного года, это распоряжение министра просвещения не было выполнено большинством учебных заведений, встретив протест со стороны педагогических советов и родительских комитетов. Только после большевистского переворота советская власть сделала ее, с помощью террора, обязательной и внесла в нее новые «научные улучшения». Если наше дореволюционное правописание было, как сказано выше, единственным в своем роде, благодаря своему церковному происхождению, то советская орфография также не имеет себе равной в мире, но по совершенно противоположной причине: это единственная существующая в мире орфография, согласно которой слово «Бог» имеет только одно написание со строчной буквы и, следовательно, не может передать понятие Единого Бога, а потому оно с полным правом может именоваться «безбожной» или «богоборческой».

чтобы оградить свою страну от опасности захвата иноверцами или подчинения равнодушной к добру и злу государственной власти. Превыше всего, они считали своим долгом обеспечить себе и своему потомству возможность свободного исповедания святого Православия с соблюдением православных законов и обычаев. Никаких других, внецерковных, целей в государственной жизни наши предки того времени себе не ставили. Достижение славы, удовлетворение национальной гордости, расширение государственных границ, обеспечение привольной, легкой жизни и пр. — все эти стремления, свойственные человеку, были им чужды. Духовная жизнь и стремление к подражанию своим общепризнанным духовным вождям стояли на первом плане, а этими вождями были святые, и среди них особенно почитались преп. Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский и митрополиты всея Руси святители Петр и Алексей. Неразрывное, тесное единство с ними всего русского народа XIV–XVI веков — ключ к пониманию формулы «Святая Русь». Это наименование нашей Родины никогда не подразумевало, что русский народ был свят. Но святость была единственным идеалом для всех, и других идеалов русский народ того времени не знал. Все прочие добродетели — просвещение, героизм, культурность и пр. — охватывались для него одним всеобъемлющим идеалом святости и имели ценность лишь при условии, что они освящались святостью. Сознавая свою греховность, русские люди той эпохи калялись в своих грехах, исповедуя свое единство со своими святыми, современными и прошлыми, признавая их безграничное над собой превосходство и прося их молитв и заступничества. Среди лучших представителей московского боярства и служебной знати Древней Руси было принято, по окончании многолетней государевой службы, на старости лет принимать монашеский постриг и кончать свои дни в монастырском уединении. Этот красивый благочестивый обычай показывает, насколько бескорыстно было их служение государству и как безгранично они были преданы святому Православию, своему государю и Родине. Вот, в кратких словах, что представляла собой «Святая Русь»*.

* От этой формулировки ведет свое начало наш национальный девиз «За веру, царя и Отечество», выражающий идеалы русского народа, которые воодушевляли русских людей на ратный подвиг и на служение государству и за которое они готовы были отдать свою жизнь. Насколько он выше по своему духовному содержанию девизов других стран: «Deutschland uber

И своим единством, монолитностью, тем что весь русской народ, от государя до последнего крестьянина и бедняка, жил одной жизнью, одними устремлениями, она была безмерно сильна (см.: *Епископ Нафанаил. О Петре Великом // Русское возрождение. № 2. С. 165–185, Париж — Москва — Нью-Йорк, 1978*).

Между тем на девятом веке своего существования, после блестящего расцвета на протяжении XIV–XVI веков, духовный рост Святой Руси остановился с наступлением Смутного Времени. В связи с этим отметим глубоко правильное наблюдение, сделанное епископом Нафанаилом, что наивернейшим признаком процветания или, наоборот, падения духовного уровня общества, народа или государства является наличие или отсутствие святых в течение данного исторического отрезка времени (*Ibidem. С. 181*). Это наблюдение находит интересное подтверждение в редкой иконе «Русские Святые Жены», написанной на стене храма Женского Богоявленского монастыря в Костроме. На этой иконе изображена процессия 33 русских святых жен, возглавляемая святой равноапостольной княгиней Ольгой, из которых 29 принадлежали к Дому Рюрика. Вся история Киевской и Московской Руси нашла отражение в этой иконе. Замыкают шествие св. бл. вел. кн. Ксения и св. бл. кн. Анастасия. Последним годом, указанным на этой иконе, является 1604 год, когда была прославлена преп. Иулиания Муромская, изображенная третьей с конца*.

После трехсотлетнего периода духовного процветания, который дал великий сонм святых русского народа, XVII век оказался изумительно беден святыми. Во второй половине этого века нет святых на Руси. Затем наступил период пагубных и бессмысленных реформ Петра Великого, сокрушивших Святую Русь. Но здесь надо оговориться, что она была так легко сломлена Петром, потому что еще с самого начала Смутного Времени высшие московские круги уже изменили ее идеалам. Тем не менее, он первый поднял руку на «святое святых» русского народа, первый стал подкапывать его духовные корни и расшатывать могучие восьмисотлетние устои, на которых созидалась и процветала

alles» (Германия); «Liberte, Egalite, Fraternite» (Франция); «Rule Britannia» (Англия); девиза ордена иллюминатов: «Novus ordo seclorum», значущегося на долларовых банкнотах США; и пр.

* Сохранилась ли эта икона, да и сам монастырь, после всероссийского погрома и осквернения святынь, нам неизвестно. Но ее литографическое воспроизведение имеется за границей в частных руках.

Святая Русь, уничтожив единство между государем и народом, которое никогда более не удалось восстановить. Национальное духовное богатство накапливается веками, тогда как материальные достижения осуществляются в короткий срок. Подчинив духовный прогресс стремлениям к материализму и широко раскрыв двери тлетворному западному влиянию, царь Петр построил «гиганта на глиняных ногах», рухнувшего менее чем через 200 лет*.

* Вина Петра Великого усугубляется тем, что, вступая на престол, он унаследовал подробный план необходимых реформ во всех областях государственной жизни, разработанный сподвижником Царя Алексея Михайловича ближним боярином А. Л. Ординым-Нащокиным, который говаривал, что «учиться доброму не плохо и у своих врагов». Разработанный под его руководством план полностью соответствовал идеалам Святой Руси и сохранял в неприкосновенности все черты свято-русского быта. Петру оставалось лишь осуществить этот план.

Апологеты Петра Великого, особенно мало знакомые с русской историей иностранцы, обычно оправдывают его бессмысленные реформы и коренную ломку всего старого государственного и народного уклада жизни двумя доводами: во-первых, небоеспособностью, по их мнению, московского войска, возглавляемого якобы некомпетентными воеводами, вследствие чего, без петровских реформ, Московское государство могло бы стать легкой добычей для его соседей; и, во-вторых, крайней отсталостью Московской Руси, по сравнению с другими европейскими странами, на пути цивилизации, материального прогресса, технических достижений и пр. Оба эти утверждения несостоятельны.

Военная мощь нашей Родины сложилась не со вчерашнего дня и имела за собой многовековую славную историю. Неблагодарная центральная Западная Европа никогда не отдавала себе отчета в том, что своему процветанию она была обязана двум государствам и их народам: со стороны востока ее защищали от разгрома варварами русские восточные славяне, принимавшие на себя наиболее жестокие удары, а со стороны запада — испанский народ. Вот почему между историей и национальным бытом России и Испании существует такое близкое сходство. Регулярные войска существовали в Московской Руси задолго до Петра Великого: старейшим полком Российской Императорской армии был 13-й лейб-гренадерский Эриванский царя Михаила Феодоровича полк, со старшинством 1630 г. Наконец, чтобы убедиться в военных талантах московских воевод, достаточно ознакомиться хотя бы с кампанией 1654 г. в войне с Польшей.

Что же касается второго довода — общей отсталости Московской Руси, — то необходимость и полезность подобных реформ полностью опровергаются поразительным примером Японии. Будучи до 1868 г. феодальным государством, не имевшем никакого понятия об европейской цивилизации и современных достижениях науки и техники, Япония через всего лишь 35 лет блестяще восприняла все полезные и ценные плоды этой цивилизации и достигла быстрого развития современной культуры, создала сильную армию и флот, преобразовала систему народного образования и пр., но бережно

Еще менее благостным для Церкви был сумбурный XVIII век. В 1721 году указом Петра I было упразднено патриаршество и учрежден Святейший Правительствующий Синод. Из всех автокефальных Православных Церквей, Русская Церковь стала единственной Поместной Православной Церковью, которая не возглавлялась более первоиерархом. Занесенные к нам с Запада ядовитые семена стали вскоре давать на Русской земле свои всходы. Здесь надо искать корни немецкого засилья в правящих кругах, проникновения и расширения масонского влияния, революционного движения декабрьского восстания, нигилизма, террора и других бедствий нашей Родины в этом и последующем столетиях.

Однако уже в XIX веке в жизни Русской Церкви наступает заметное оздоровление, которое некоторые историки называют даже расцветом церковной жизни в России (*Тальберг Н. История Русской Церкви. Свято-Троицкий Монастырь, Джорданвилль, США, 1959*).

За четыре царствования девятнадцатого столетия были прославлены семь святых и установлено празднование св. угодникам Волинским.

И это радостное явление не только не угасало, но еще более возрастало в последующие годы. С 1896 года по 1916 год, т. е. за двадцать лет царствования императора Николая II, Русская Православная Церковь обогатилась большим числом новых святых и новых церковных торжеств, чем за весь XIX век. Первым был прославлен в 1896 году святитель Феодосий Углицкий. В 1897 году было установлено местное празднование свмуч. Исидора и с ним 72 мучеников в г. Юрьеве Ливонском, латинянами утопленных (1472 г.), а в начале XX века — празднование преп. Иова Почаевского.

1903 год ознаменовался великими церковными торжествами по случаю прославления преп. Серафима Саровского Чудотворца,

сохранила в целости свои духовные ценности, свой государственный строй и национальный быт. А через год она уже сама напала на могущественную европейскую державу, Россию, и победоносно сражалась с русскими сухопутными и военно-морскими вооруженными силами. Проиграв, вместе со своими союзниками, Вторую мировую войну, и будучи поставленной на колени атомными бомбами, она не отказалась от своего многовекового духовного наследия, и ее противники не пытались ни уничтожить, ни изменить его, так как отлично понимали, что они могли бы этого добиться только слишком дорогой ценой.

состоявшегося в присутствии государя и царской семьи, вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, а также многих других членов императорской фамилии, при участии многочисленного духовенства и при огромном стечении паломников. В Саровскую пустынь, расположенную среди густых лесов Тамбовской губернии, в сотне верст от ближайшей железной дороги, собралось со всех концов России не менее трехсот тысяч человек, главным образом крестьяне, громко приветствовавшие царя. Перенесение мощей преп. Серафима из Зосимо-Савватиевской церкви в Успенский собор состоялось 18 июля, на второй день торжеств прославления. Гроб несли государь, великие князья и архиереи. Это было уже вечером; по обе стороны шествия стояли густые ряды молящихся с зажженными свечами.

«Выйдя из церкви, — пишет участник торжеств, — мы очутились, поистине, в другом храме. Наполнивший монастырскую ограду народ стоял в благоговейном молчании; у всех в руках горящие свечи. Многие, стоя на коленях, молились по направлению к собору. Вышли за монастырскую ограду, — там та же картина, но еще величественнее, еще грандиознее: там стоят еще большие толпы народа и также со свечами, иные держат целые пуки их. Было так тихо, что пламя свечей не колыхалось.

Тут был в буквальном смысле стан паломников. Из разных мест доносилось пение. То кружки богомольцев и богомолков пели разные церковные песнопения. Не видя поющих, можно было подумать, что звуки пения несутся с самого неба... Минула полночь, а пение не умолкало».

На третий день торжеств, после литургии, говорил проповедь Архиепископ Казанский Димитрий. «Уединенная подвижническая обитель превратилась в многолюдный город», говорил он. «Всегда пустынный, молчаливый лес Саровский полон ныне волнения и говора, движения и шума. Но это — не шум житейской суеты... Это могучий подъем, неудержимо-сильное проявление сильного и здорового духа благочестия, которым живет и дышит православная Русь» (*Ольденбург С. С. Op. cit.*).

Саровские торжества укрепили в государе веру в его народ. Он видел вокруг себя, совсем близко, несчетные толпы, охваченные теми же чувствами, как и он, трогательно выражавшие ему свою преданность. Он видел и крестьянство, и духовенство, и дворянство, и ему не могло не казаться, что та смута, которая тревожила его за последний год, — это всего лишь наносное,

внешнее, чисто городское явление, тогда как сердце России еще здорово и бьется за одно с сердцем своего государя.

Еще более сильное впечатление произвели Саровские дни на государыню императрицу Александру Феодоровну. Она никогда не видела ничего подобного, никогда не была свидетельницей такой горячей, пламенной веры, никогда не участвовала в таких грандиозных народных церковных торжествах, никогда не испытывала и не переживала такого высокого духовного подъема. Здесь подтвердились незабвенные слова и доводы, которые она слышала от цесаревича незадолго до своей помолвки, — слова и доводы, которые устранили все ее колебания в вопросе перемены религии и присоединения к святому Православию и преобразили весь ее духовный мир.

В дни прославления преп. Серафима Саровского царь и царица воочию убедились в том, что они составляют одно неразрывное целое с толщей великого русского народа и что, если на пути их общих стремлений к тесному сотрудничеству в деле устройства государственной жизни встречаются помехи, то вызываются они искусственно созданным средостением, состоящим из чуждых элементов. В Саровской пустыне перед ними раскрылась наяву, дивная своей духовной красотой, картина подлинной Святой Руси.

* * *

12 июня 1909 года состоялось восстановление праздника св. княгини Анны Кашинской (супруги св. вел. кн. Михаила Ярославича Тверского, замученного в Орде 22 ноября 1318 года, правнука Всеволода Большого Гнезда). В высочайше утвержденном 7 ноября 1908 года докладе о вторичном прославлении ее св. мощей говорилось: «В течение своей жизни был образцом христианской супруги и матери, отличаясь христианской любовью к бедным и несчастным, проявляла искреннее благочестие, мужественно переносила всевозможные испытания» (*Тальберг Н.* Церковная деятельность царя-мученика // *Православная жизнь.* № 3. 1952). Государь живо интересовался этим делом, принимая в нем горячее участие.

История этого необычного события такова. Обретение мощей св. княгини Анны Кашинской произошло 28 июля 1649 года. 12 июня 1650 года мощи святой были перенесены, в присутствии царя Алексея Михайловича, в Кашинский Вознесенский собор.

Однако по почину Патриарха Иоакима, третьего преемника патриарха Никона, Соборы 1677 и 1678 годов постановили «празднования Ей не творити». Это постановление было принято на том основании, что пальцы святой были сложены для совершения двуперстного, а не троеперстного крестного знамения, что было вполне естественно, так как троеперстие было окончательно утверждено лишь на Соборе 1656 года при патриархе Никоне, а до этого на Руси, в отличие от Восточных Церквей, всегда крестились двумя перстами. В таком случае Русская Церковь должна была бы лишиться всех своих святых, так как они жили до проведения злосчастных реформ, приведших к расколу, вызвавшему впоследствии великие — и, быть может, роковые — потрясения в церковной и государственной жизни нашей Родины.

Так или иначе, эта нелепая ошибка, которую можно объяснить лишь фанатизмом реформаторов и разгоревшимися страстями, была исправлена ровно через 260 лет, в царствование императора Николая II. Торжество восстановления празднования св. Анны Кашинской происходило в г. Кашине в православном Успенском соборе по единоверческому чину*.

Это событие имело также большое значение для привлечения к Православно старообрядцев, так как оно устраняло с их стороны укоризны в том, что в Православной Церкви не прославляются святые, имеющие двуперстное сложение для крестного знамения (*Тальберг Н.* История Русской Церкви. *Op. cit.* и др.).

* * *

23 мая 1910 года древний Полоцк торжественно встречал, вместе с Королевой Эллинов Ольгой Константиновной, ее августейшим братом вел. кн. Константином Константиновичем, вел. кн. Елизаветой Феодоровной и Е. В. князем Игорем Константиновичем, святые мощи преп. Евфросинии княжны Полоцкой, преставившейся в Иерусалиме в 1173 году и почивавшей в Киеве. Крестный ход из матери городов русских вышел 19 апреля. От Киева до Орши св. мощи были перевезены по Днепру, а от Орши до Витебска — пешим путем. По обеим сторонам дороги стояли

* Единоверцы-старообрядцы, признавшие правила, утвержденные 27 октября 1800 г., при императоре Павле I, по которым старообрядцы принимают православных священников от законных архиереев, но удерживают старину в обрядах и церковных книгах.

тысячи народа с зажженными свечами. В Киеве и Полоцке число богомольцев доходило до 20000 человек.

По этому поводу государь обратился к Киевскому Митрополиту Флавиану со следующим рескриптом: «Свято прошедшая поприще, указанное Ей Божественным Промыслом, да пребудет Святая Княжна для всего Белорусского народа* навеки яркою путеводительною звездою, указующую правду Православия. Проявившийся же в незабвенные дни перенесения честных мощей Ее дух благочестия в народе, притекавшем в великом множестве на поклонение Преподобной, да послужит в назидание и тем, кто, в житейской суете и душевном смятении, готовы покинуть спасительный путь истинной Православной веры» (*Тальберг Н. Церковная деятельность царя-мученика. Op. cit.*).

Этот рескрипт, получивший широкое распространение, встретил живой отклик среди населения.

4 сентября 1911 года, в присутствии вел. кн. Елисаветы Феодоровны и вел. кн. Константина Константиновича, совершено было прославление мощей святителя Иоасафа Белгородского. На торжество собралось 150000 паломников. Государыня императрица Александра Феодоровна и вел. кн. Елисавета Феодоровна пожертвовали к раке лампы художественной работы. На всеподданнейшем докладе обер-прокурора Св. Синода о сем прославлении государь 10 декабря 1910 года начертал: «Благодатным предстательством святителя Иоасафа да укрепляется в Державе Российской преданность праотеческому Православию ко благу всего народа русского. Приемлю предложение Св. Синода с искренним умилением и полным сочувствием» (*Тальберг Н. Церковная деятельность царя-мученика. Op. cit.*). Вскоре после открытия мощей свят. Иоасафа Белгородского государь император прибыл поклониться его св. мощам (*Тальберг Н. История Русской Церкви. Op. cit.*).

В 1911 году было восстановлено церковное почитание преп. Евфросина Синозерского. Это был в царствование императора

* Белорусы принадлежат к младшей из трех ветвей великого русского народа: великоруссов, малороссов и белорусов. В древние времена Белоруссия охватывала княжества Полоцкое, Витебское, Мстиславское и Смоленское. На протяжении своей многострадальной истории Белоруссия долгое время находилась под владычеством Литвы и Польши, и ее население подвергалось жестоким гонениям и притеснениям со стороны католиков. В настоящее время она является одной из частей России, служащих предметом возжеланий для наших врагов, стремящихся к ее расчленению.

Николая II второй случай — после св. кн. Анны Кашинской — вторичного прославления святого, ошибочно исключенного из сонма Русских Святых во время реформ, предпринятых патриархом Никоном в XVII веке*.

17 февраля 1913 года в Москве были торжественно прославлены мощи святителя Гермогена, патриарха Московского и всея России. По этому случаю государь телеграфировал вел. кн. Елисавете Феодоровне: «Благодарю собравшихся в стенах Кремля на молитвенное поминовение Патриарха Гермогена, пример коего да светит в настоящие и будущие времена».

28 июля 1914 года состоялось прославление мощей святителя Питирима, Епископа Тамбовского.

Во время Великой Войны, 10 июня 1916 года, митрополит Макарий Московский совершил прославление мощей святителя Иоанна, Митрополита Тобольского и Сибирского. На всеподданнейшем докладе государем, который в то время был Верховным Главнокомандующим русской армией, было начертано: «Примлю предложение Святейшего Синода с умилением и с тем большим чувством радости, что верю в предстательство святителя Иоанна Максимовича (святитель Иоанн Максимович происходил из дворянского рода Максимовичей, к которому принадлежал также глубоко почитаемый в Зарубежье архиепископ Иоанн

* В связи с вопросом прославления святых напрашивается любопытное сравнение. С одной стороны, мы знаем, как благоговейно прославляла своих святых Русская Православная Церковь, как восстанавливалось их почитание в случае допущенных ошибок, какое живое участие принимал в этом деле император Николай II, проявляя личную инициативу, всячески способствуя работе Св. Синода, оказывая свое влияние для устранения задержек в принятии решений, и пр.

С другой стороны, мы видели, как в наш век почти всеобщего богоотступничества на Западе рухнула могущественная Римско-Католическая церковь, казавшаяся несокрушимой твердыней, — рухнула, будучи подорванной изнутри, с невероятной быстротой, в течение всего лишь одного десятилетия, в шестидесятых годах, в результате модернистических и других реформ, предпринятых двумя римскими первосвященниками, Иоанном XXIII и его преемником Павлом VI, и утвержденных Вторым Ватиканским собором. В ходе этих реформ из католических святцев были вычеркнуты десятки, если не сотни, святых, в том числе такие особенно почитаемые во всем христианском мире святые, как св. Георгий Победоносец, свят. Николай мир-ликийских чудотворец, св. великомученица Екатерина, св. великомученица Варвара и многие другие. См.: 1971 Catholic Almanac. Felician A. Foy, O. F. M., Editor. Doubleday & Co., Inc., Garden City, N. Y.

Западно-американский и Сан-Францисский, бывший епископ Шанхайский) в эту годину испытаний за Русь Православную» (Тальберг Н. Церковная деятельность царя-мученика. *Op. cit.*).

* * *

Основной чертой характера императора Николая II, служившей источником его духовной и волевой силы, была его религиозная сущность, нашедшая яркое выражение в следующих двух актах.

Первый из них был дан государем 12 января 1909 года по случаю кончины приснопамятного прот. о. Иоанна Кронштадтского, который еще при жизни признавался святым не только всем русским церковным народом, но и за границей (св. праведный о. Иоанн Кронштадтский Чудотворец был канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в 1964 г.).

«Неисповедимому Промыслу Божию было угодно, чтобы угас великий светильник Церкви Христовой и молитвенник Земли Русской, всенародно чтимый пастырь и праведник о. Иоанн Кронштадтский. Всем сердцем разделяя великую скорьь народную о кончине любвеобильного пастыря и благодетеля, Мы с особым чувством обновляем в памяти Нашей скорбные дни предсмертного недуга в Бозе почившего Родителя Нашего, Императора Александра III, когда угасающий Царь пожелал молитв любимого народом молитвенника за Царя и Отечество. Ныне вместе с народом Нашим, утратив возлюбленного молитвенника Нашего, Мы проникаемся желанием дать достойное выражение сей совместной скорби Нашей с народом молитвенным поминовением почившего, ежегодно ознаменовывая им день кончины отца Иоанна, а в нынешнем году приурочив оное к сороковому дню оплакиваемого события. Будучи и по собственному духовному влечению Нашему и по силе Основных Законов первым блюстителем в Отечестве Нашем интересов и нужд Церкви Христовой, Мы со всеми верными и любящими Сынами ее ожидаем, что Св. Синод, став во главе сего начинания, внесет свет утешения в горе народное и зародит на вечные времена живой источник вдохновения будущих служителей и предстоятелей Алтаря Христова на святые подвиги пастырского делания».

Прот. о. Иоанн Кронштадтский не только присутствовал при кончине императора Александра III, но, по желанию государя Николая Александровича, он также сослужил при его

бракосочетании в церкви Зимнего дворца 14 ноября 1894 г. и при коронации в Успенском соборе 14 мая 1896 года.

В втором рескрипте, данном по случаю столетней годовщины Отечественной войны, государь писал: «Сто лет назад, когда первопрестольная столица, а с нею и вся Святая Русь, переживала тяжкую годину нашествия двадцяти язык, православное духовенство, переноса вместе со всем русским народом лишения и невзгоды, оказало Отечеству великую заслугу. Будя в сердцах народа и доблестного воинства пламенную веру в Бога, беззаветную преданность своему Царю и любовь к Церкви и Родине, врагами униженным и поруганным, духовенство, среди ужасов смерти, пожаров и разорения, поддерживало мужество и крепкое стояние за Святую Русь возгреванием надежды на скорое заступление и помощь Божию. Вечно памятными останутся слова, вдохновенно сказанные Преосвященным Августином при встрече в Москве блаженной памяти Императора Александра Благословенного: «С нами Бог! Разумейте, языки, и покоряйтесь, яко с нами Бог! Господь сил с Тобою, Царь!» (Тальберг Н. Церковная деятельность царя-мученика. *Op. cit.*).

* * *

Церковная деятельность императора Николая II была весьма широкой и охватывала все стороны церковной жизни.

В его царствование Россия продолжала украшаться обителями и церквями. Сравнение статистических данных за 1894 год и за 1912 год показывает, что за эти восемнадцать лет было открыто 211 новых мужских и женских монастырей и 7546 новых церквей, не считая большого числа новых часовен и молитвенных домов. Среди новых храмов нельзя не отметить великолепный Феодоровский Государев собор в Царском Селе, воздвигнутый на выбранном государем месте на поляне, прилегающей к парку, вблизи Александровского дворца, законченный и освященный в 1912 году. Помимо главного — верхнего храма, собор имел нижний храм, называвшийся Пещерным храмом во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца. Феодоровский Государев собор, сооруженный при ближайшем участии Их Величеств на предоставленные ими крупные средства, был замечателен высокохудожественным внутренним убранством, а Пещерный храм отличался находившемся в нем собранием подлинных святых предметов старины (он был уничтожен безбожной коммуни-

стической властью так же, как бесчисленное множество других православных святынь, исторических памятников и древностей российских).

Кроме того, благодаря щедрым пожертвованиям государя, в эти же годы во многих европейских городах были сооружены 17 новых русских храмов, выделявшихся своей красотой и ставших достопримечательностями тех городов, в которых они были построены.

В церковных делах государь Николай Александрович, следуя примеру своего державного отца, особенно заботился об улучшении материального положения духовенства и о духовном просвещении. В связи с высочайше утвержденным в 1892 году мнением Государственного Совета относительно назначения всем без исключения причтам жалования, император Александр III писал обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву: «Давно это была моя мечта, мое глубокое убеждение, что необходимо придти на помощь и обеспечить сельское духовенство, и теперь, слава Богу, мне это наконец удалось. Дед мой Николай Павлович начал это в сороковых годах, а я его только продолжаю» (*Тальберг Н.* История Русской Церкви. *Op. cit.*). При императоре Николае II был проведен целый ряд других мероприятий в этом направлении. Так, например, в 1902 году им был утвержден устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам. «Убежден, — начертал государь при утверждении устава, — что епархиальное духовенство с углубленным рвением будет нести свое пастырское служение в истинно христианском духе» (*Тальберг Н.* Церковная деятельность царя-мученика. *Op. cit.*).

Не меньше внимания обращал император Николай II на улучшения в области духовного просвещения. Как и его державный родитель, он ревностно заботился о церковно-приходских школах, против которых позднее вела кампанию вновь учрежденная Государственная Дума. Тем не менее в 1913 году в России насчитывалось 37641 церковно-приходская школа, а число учащихся в них достигло двух миллионов детей. В этой области незаменимым помощником государя был его бывший преподаватель вероучения и богословских предметов К. П. Победоносцев, занимавший в течение 25 лет пост обер-прокурора Св. Синода. Епископ Волынский Антоний (Храповицкий) в своем пространном письме, написанном ему в 1905 году в связи с его уходом

в отставку, писал, помимо прочего, следующее: «Просвещение народа в единении с Церковью, начатое в 1884 году исключительно благодаря Вам и Вами усиленно поддерживавшегося до последнего дня Вашей службы, есть дело великое, святое, вечное, тем более возвышающее Вашу заслугу Церкви, престолу и отечеству, что в этом деле Вы были нравственно почти одиноким. Вы не были продолжателем административной рутины, как желают представить Вас жалкие, бездарные критики. Напротив, Вы подымали целину жизни и быта, брались за дела, нужные для России, но до Вас администрации неведомые... Первое — дело церковно — приходских школ Вы таким образом подняли и вынесли на своих плечах. Второе — приближение духовной школы к нуждам народа, к жизни Церкви — Вы старались выполнить... и успели внести в нее несколько сильных оздоравливающих лучей церковного и народного духа».

Духовные учебные заведения делились, в зависимости от уровня образования, на низшие, средние и высшие, которые назывались, соответственно, духовными училищами, духовными семинариями и духовными академиями.

В 1913 году, по случаю празднования 300-летия Дома Романовых, государь, чтобы подчеркнуть важность высшего духовного образования, наименовал духовные академии Императорскими.

* * *

Будучи глубоко верующим церковным человеком, благочестивый Император поощрял и поддерживал развитие всех видов искусства, способствующих художественному внутреннему убранству храмов и красоте и благолепию совершаемых богослужений. В этом деле он нашел ревностную помощницу в лице не менее благочестивой царицы Александры Феодоровны.

Государь понимал значение исторической древности в церковной области, и при нем это дело быстро развивалось. В 1901 году был высочайше утвержден Комитет попечительства о русской иконописи, и в его царствование все более и более усиливался интерес к ней. В 1913 году в Москве была устроена выставка древних икон, приуроченная к празднованию 300-летия Дома Романовых. Один из крупнейших знатоков этого искусства, П. П. Муратов, писал: «Казалось, этот интерес достиг своего апогея весной 1914 года. Ведь, не было никаких сомнений, что при религиозности государя и государыни и при большом

их вниманию к русской старине, особенно пробужденном юбилейным 1913-м годом, древняя русская религиозная живопись заинтересует Их и найдет в Них своих покровителей. Так это и случилось» (Возрождение. 9 февраля 1933 г.). Со своей стороны, С. С. Ольденбург отметил: «Организованная в 1913 г. в Москве Романовская церковно-археологическая выставка, устроенная в Чудовом монастыре, и выставка древне-русского искусства Императорского Археологического института дали возможность широким русским кругам познакомиться с русским искусством XIV–XVII веков, которое так ценил Государь. Художественное значение русской иконописи впервые получило должную оценку» (*Ольденбург С. С. Op. cit.*).

Государь, отлично знавший церковный устав, хорошо знал, понимал и любил церковное пение. Согласно отзыву известного регента П. А. Александрова, все царствование императора Николая II «можно назвать последним этапом извилистого пути русского церковного пения; этот этап характерен сильным развитием художественной церковной музыки, становлением ее на свой собственный национальный путь» (*Тальберг Н. Op. cit.*). Прекращение преследования старообрядцев при императоре Николае II расширило возможности изучения древнего русского церковного пения и его памятников — крюковых рукописей, ставших теперь доступными более широкому кругу ученых. После одного духовного концерта Синодального хора, имевшего место в Москве в высочайшем присутствии, государь сказал, что «хор достиг самой высшей степени совершенства, дальше которой трудно себе представить, что можно пойти» (*Прот. В. М. Металлов. Синодальное Училище в его прошлом и настоящем*).

Чтобы лучше понять огромное значение церковного пения и интерес, проявляемый к нему Государем, приведем выдержку из замечательного слова, обращенного архиепископом Арсением Новгородским к участникам съезда учителей пения духовно-учебных заведений его епархии, состоявшемся в 1911 году: «Вы, конечно, знаете, почему так нужно дорожить нашим древним церковным пением. Оно есть выражение духа нашего народа, воспитавшего и возросшего под влиянием Церкви, которая была пестуном его, чадолюбивою матерью. Но если Церковь оказывала религиозно нравственное влияние на народ, то и народ вносил многое от своего природного богатства и дарования в недра Православной Церкви, в виде мелодий, в которых отражаются глубина

и сила его религиозного чувства и вообще его душевные качества. Эти мелодии, то возвышенно-простые, строгие и важные, то нежные, трогательные и умилительные, народ, как лучшее достояние свое, от чистого сердца отдает своей матери — Церкви. Вот почему эти родные звуки дороги ему, как передуманные, пережитые перечувствованные им. О многом они говорят русскому человеку: и о былом, и о настоящем, и об ожидаемом в будущем; будят в нем лучшие, благороднейшие порывы, святые чувства любви к вере, царю-отцу и родному Отечеству. Вот почему нужно дорожить этими родными мелодиями, как памятниками религиозно-народного творчества. К сожалению, мы не дорожим им. Отсюда истинное церковное пение забывается, измышляется новое, чуждое духу нашего народа. Забота о сохранении и восстановлении древнего церковного пения является одною из главных забот тех, кому дороги интересы Церкви и народа» (*Тальберг Н. Оп. cit.*).

В нашем кратком обзоре не представляется возможным перечислить все отрасли художественной работы, которые были обязаны своим процветанием личному участию государя, как, например, изготовление церковной утвари по старинным образцам, великолепное изготовление священных одежд, высокохудожественное рукоделие для церковных нужд и многое другое.

Все виды искусства, возвышающие душу православного христианина и приближающие ее к Богу, которыми так богата наша Церковь, начиная с церковной архитектуры и кончая угасавшим, а ныне и вовсе забытым, искусством православного церковного колокольного звона, столь близкого сердцу русского человека, интересовали государя и встречали с его стороны поддержку.

* * *

Заботы императора Николая II о Церкви Божией простирались далеко за пределы России. Во многих церквях Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Черногории, Турции, Египта, Сирии, Ливии, Абиссинии, Палестины имеется тот или иной дар царя-мученика. Целые комплекты сребропозлащенных облачений, икон и богослужебных книг посылались в епархии Сербской, Греческой, Болгарской, Черногорской, Антиохийской, Константинопольской и Иерусалимской Православных автокефальных Церквей, не говоря уже о щедрых денежных субсидиях на их поддержание.

Он, и только он во всем мире, выступал на защиту православной веры и Церкви и оберегал церковный мир по всему миру. Во-

истину он был ктитором всей Православной Вселенской Церкви. Он, и только он, вставал на защиту, когда турки вырезывали армян-христиан, притесняли и угнетали славян, и широко открывал границы России беженцам этих стран (*Махараблидзе Е.* царственные мученики // Православная жизнь. Июль 1948 г.).

Вопреки широко распространенному мнению, в особенности среди иностранцев, русский император не был ни главой, ни духовным главой Русской Поместной Православной Церкви, но, как носитель верховной власти величайшего православного государства, помазанник Божий, он нес священные обязанности вселенского покровителя и защитника Православия и в этом качестве занимал в православном мире самое высокое место.

Но наиболее важной была великая общечеловеческая миссия, возложенная Божественным Промыслом на императора Всероссийского. Тем, кто знает Священное Писание, известны слова апостола Павла из его Второго послания к Фессалоникийцам: «Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят из среды Удерживающий теперь». «Удерживающим» здесь называется глава величайшего христианского государства, каковым была в то время Римская империя. Русская Православная Церковь с полным правом и основанием относит эти слова св. апостола к русскому царю, наследнику православных христианских императоров Рима и Византии, возглавителю Третьего Рима — Православного самодержавного царства. Он был священным лицом, преемственным носителем особой силы благодати Святого Духа, которая действовала через него и удерживала распространение зла. Император Николай II был глубоко проникнут сознанием этой лежащей на нем религиозно-мистической миссии.

Как справедливо отмечает епископ Нафанаил, «утверждение, что при наличии Православного царства — Императорской России — не могло бы совершиться того страшного всемирного разлива зла, которое мы наблюдаем в настоящее время, это не наша своевольная претензия» (Русское возрождение. № 2. 1978. С. 170). И действительно, Фридрих Энгельс, — ближайший сподвижник Карла Маркса, его соплеменник и соучастник, — еще в прошлом веке писал: «Ни одна революция в Европе и во всем мире не может достигнуть окончательной победы, пока существует теперешнее русское государство» (Карл Маркс и революционное движение в России. Москва, 1933. С. 15). Такое свидетельство со стороны

одного из главных основателей советского коммунизма, этой кровавейшей формы современного богоборчества, нельзя не признать серьезным доказательством правильности толкования нашей Церковью пророческих слов апостола Павла, как относящихся к русскому императору, как удерживающему, являющемуся оплотом добра против все возрастающего в мире зла.

* * *

Мы подробно рассказали о церковной деятельности императора Николая II и сделали пространный экскурс в историю Московской Руси, чтобы разъяснить те побуждения, под влиянием которых государь был готов предпринять небывалый в истории шаг, характеризующий его как человека исключительной силы воли и необыкновенного величия духа.

Всеми силами души император Николай II стремился вернуть Россию на спасительный самобытный путь Святой Руси, возродить ее идеалы, восстановить ее монолитность, воссоздать и укрепить существовавшее в прошлом единство между Церковью, царем и народом, которое лежало в основе ее могущества. Он ясно понимал роковые ошибки Великого Преобразователя, ослепленного материальными достижениями Запада и поставившего, по западному образцу, материальное начало впереди духовного. Надо было круто поворачивать государственный корабль к родным берегам, в сторону от Запада, давно отступившего от истинной христианской веры. А для этого надо было, прежде всего, восстановить патриаршество.

Государь давно интересовался этим вопросом, тщательно изучил его и искал наилучшие пути к его разрешению. Если бы дело ограничивалось только переменой в церковном управлении, т. е. упразднением Синода и передачей высшей церковной власти в руки патриарха, то это не могло бы вызвать никаких затруднений. Но проведение реформ в том грандиозном масштабе, в каком они были задуманы государем, было делом чрезвычайно сложным. Ведь речь шла о перестройке всего государственного здания на духовных началах, причем успех намеченного плана всецело зависел от удачного выбора патриарха, так как, помимо своих прямых обязанностей по возглавлению Церкви, он привлекался также, вместе с лучшими выборными людьми Русской земли, в лице Земского собора, и к участию в управлении государственными делами, как это было в старину. Особенно важным должен был

быть, конечно, трудный переходный период. После глубоких размышлений государь принял мужественное решение: возложить, если Господу будет угодно, это тяжелое бремя на себя*. Никакие трудности этой задачи, не говоря уже о тяжком монашеском подвиге, его не пугали и не смущали. Не было той жертвы, которую он не принес бы с радостью ради интересов своего народа и блага Родины. И он стал терпеливо ждать удобного случая, чтобы объявить о своей готовности отказаться от монаршего служения, с тем, чтобы занять патриарший престол.

И вот, в ближайшее время, в марте 1905 года, наступил момент, когда государь сообщил членам Святейшего Синода о своем намерении.

Известный церковный деятель и серьезный писатель С. Нилус, в своем замечательном труде «На берегу Божией реки», написанном в Оптиной пустыни, рассказывает следующее об этой попытке императора Николая II осуществить Свою заветную мечту:

«Было это во дни тяжелого испытания сердца России огнем Японской войны. В это несчастное время Господь верных сынов ее утешил дарованием царскому престолу, молитвами преподобного Серафима, наследника, а царственной чете — сына-царевича — великого князя Алексея Николаевича. Государю тогда пошел только что 35-й год, государыне-супруге 32-й. Оба были в полном расцвете сил, красоты и молодости. Бедствия войны, начавшиеся нестроения в государственном строительстве, потрясенным тайным, а где уже и явным, брожением внутренней смуты — все это тяжелым бременем скорбных забот налегло на царское сердце.

Тяжелое было время, а Цусима была еще впереди.

В те дни и на верхах государственного управления, и в печати, и в обществе заговорили о необходимости возглавления вдовствующей Церкви общим для всей России главою-патриархом. Кто следил в то время за внутренней жизнью России, тому, вероятно, еще памятна та агитация, которую вели тогда в пользу восстановления патриаршества во всех слоях интеллигентного общества.

Был у меня среди духовного мира молодой друг, годами много меня моложе, но устроением своей милой христианской души близкий и родной моему сердцу человек. В указанное выше

* Как мы увидим далее из многочисленных примеров, исключительное мужество, отличающее людей, обладающих сильной волей, было одной из наиболее ярко выраженных черт духовного облика императора Николая II.

время он в сане иеродиакона доучивался в одной из древних академий, куда поступил из среды состоятельной южнорусской дворянской семьи по настоянию весьма тогда популярного архиерея одной из епархий юга России. Вот какое сказание слышал я из уст его:

— Во дни высокой духовной настроенности государя Николая Александровича, — так сказывал он мне, — когда под свежим еще впечатлением великих Саровских торжеств и радостного исполнения связанного с ними обетования о рождении ему наследника, он объезжал места внутренних стоянок наших войск, благословляя их части на ратный подвиг, — в эти дни кончалась зимняя сессия Св. Синода, в числе членов которой состоял и наш Владыка. Кончилась сессия. Владыка вернулся в свой град чернее тучи. Зная его характер и впечатлительность, а также и великую его несдержанность, мы, его приближенные, поопасались на первых порах спросить его о причинах его мрачного настроения, в полной уверенности, что пройдет день-другой, и он не вытерпит — сам все нам расскажет. Так оно и вышло.

Сидим мы у него как-то вскоре после его возвращения из Петербурга, беседуем, а он, вдруг, сам заговорил о том, что нас более всего интересовало. Вот, что поведал он тогда:

— Когда кончилась наша зимняя сессия, мы — синодалы, во главе с первенствующим Петербургским митрополитом Антонием (Вадковским), как по обычаю полагается при окончании сессии, отправились прощаться с государем и преподать ему на дальнейшие труды благословение, то мы, по общему совету, решили намекнуть ему в беседе о том, что нехудо было бы в церковном управлении поставить на очереди вопрос о восстановлении патриаршества в России. Каково же было удивление наше, когда, встретив нас чрезвычайно радушно и ласково, государь с места сам поставил нам этот вопрос в такой форме:

— Мне, — сказал он, — стало известно, что теперь и между вами в Синоде и в обществе много толкуют о восстановлении патриаршества в России. Вопрос этот нашел отклик и в моем сердце и крайне заинтересовал и меня. Я много о нем думал, ознакомился с текущей литературой этого вопроса, с историей патриаршества на Руси и его значения во дни великой смуты междуцарствия и пришел к заключению, что время назрело и что для России, переживающей новые смутные дни, патриарх и для Церкви, и для государства необходим. Думается мне, что и вы

в Синоде не менее моего были заинтересованы этим вопросом. Если так, то каково ваше об этом мнение?

Мы, конечно, поспешили ответить государю, что наше мнение вполне совпадает со всем тем, что Он только что перед нами высказал.

— А если так, — продолжал государь, — то вы, вероятно, уже между собой и кандидата себе в патриархи наметили?

Мы замаялись и на вопрос государя ответили молчанием.

Подождав ответа и видя наше замешательство, он сказал:

— А что, если я, — как вижу, вы кандидата еще не успели себе наметить или затрудняетесь в выборе, — что если я сам его вам предложу — что вы на это скажете?

— Кто же он? — спросили мы государя.

— Кандидат этот, — ответил он, — я. По соглашению с императрицей я оставляю престол моему сыну и учреждаю при нем регентство из государыни императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагая себя вам в патриархи. Угоден ли я вам, и что вы на это скажете?

Это было так неожиданно, так далеко от всех наших предположений, что мы не нашли что ответить и... промолчали. Тогда, подождав несколько мгновений нашего ответа, государь окинул нас пристальным и негодующим взглядом: встал молча, поклонился нам и вышел, а мы остались, как пришибленные, готовые, кажется, волосы на себе рвать за то, что не нашли в себе и не сумели дать достойного ответа. Нам нужно было бы ему в ноги поклониться, преклоняясь пред величием принимаемого им для спасения России подвига, а мы... промолчали.

— И когда владыка нам это рассказывал, — так говорил мне молодой друг мой, — то было видно, что он, действительно, готов был рвать на себе волосы, но было поздно и непоправимо: великий момент был не понят и навеки упущен — “Иерусалим не познал времени посещения своего...” (Лк 19: 44).

С той поры никому из членов тогдашнего высшего церковного управления доступа к сердцу цареву уже не было. Он, по обязанностям их служения, продолжал, по мере надобности, принимать их у себя, давал им награды, знаки отличия, но между ними и его сердцем утвердилась непроходимая стена, и веры им в сердце его уже не стало, оттого, что сердце цареву, истинно, в руке Божией, и благодаря происшедшему въяве открылось, что иерархи своих

си искали в патриаршестве, а не яже Божиих, и дом их оставлен был им пуст.

Это и было Богом показано во дни испытания их и России огнем революции. Чтый да разумеет (Лк 13: 35)» (*Нилус Сергей*. На берегу Божьей реки. Записки православного. Т. II («IV. Сердце царево в рuce Божией»). С. 181–183. Изд. Братства преп. Германа Аляскинского, Сан-Франциско. Калифорния, 1969).

* * *

Много лет спустя государь поделился своими переживаниями и мыслями по этому вопросу с двумя из своих приближенных, одним из которых был его любимый флигель-адъютант гр. Д. С. Шереметев.

На заседании 22 марта Синод единогласно высказался за восстановление патриаршества и за созыв в Москве Всероссийского церковного собора для выбора патриарха. Однако, поспешность этого решения встретила возражения со стороны видных богословов, и вследствие возникших разногласий, государь 31 марта начертал на докладе Синода следующую резолюцию: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия и обдуманности, каково созвание поместного собора. Предоставляю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных Императоров, дать сему делу движение и созвать собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления (*Ольденбург С. С. Ор. cit.* С. 276).

Но уже в конце того же года, 27 декабря, он обратился с рескриптом на имя Митрополита Антония С.-Петербургского, в котором писал: «Ныне я признаю вполне благовременным произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви... Предлагаю Вам определить время созвания этого собора» (*Ibidem.* С. 337).

На основании этого рескрипта было образовано Предсоборное совещание для подготовки созыва собора, которое вскоре приступило к своим занятиям. Совещание выполнило чрезвычайно важную и ценную работу, потребовавшую много времени и труда, но вспыхнувшая Мировая война помешала созыву собора в царствование императора Николая II. Вместо спокойной обстановки, которую Государь считал необходимой для проведения столь

важных реформ, он был созван в самых неблагоприятных условиях, во время страшной войны, после свержения исторического государственного строя России, когда страна была охвачена революционным безумием, и наиболее важные решения были приняты под грохот пушек в дни начавшейся гражданской войны.

XVI

Вторичное устранение императором Николаем II, в 1912 году, угрозы возникновения европейской войны

1912 год дает нам новый пример твердости характера императора Николая II. В этом году, как и шестнадцать лет тому назад, снова сложилась как будто бы благоприятная международная обстановка для занятия Россией Босфора и проливов. На государя снова было оказано сильное давление, причем на этот раз не только со стороны некоторых министров и даже председателя Государственной Думы Родзянко, но и со стороны значительной части русской общественности, требовавшей вмешательства России в балканские дела под заманчивым и столь близким сердцу государя лозунгом — «крест на св. Софии». Но государь ясно понимал, что такое вмешательство вызвало бы войну с Турцией и явилось бы началом европейской войны. Он не поддался никакому влиянию и легкомысленным советам и продолжал твердо держаться занятой им позиции. Ибо он был умнее своих заграничных противников и предвидел последствия такой войны (*Тихменев Н. М. Op. cit. С. 6*).

XVII

Решительное выступление императора Николая II на защиту Сербии от нападения Австро-Венгрии. Меры, принятые к предотвращению войны. Начало Мировой войны

Но зато, когда двумя годами позже, летом 1914 года, Австрия, подстрекаемая Германией, сделала дерзкий вызов России нападением на беззащитную Сербию, государь без колебаний ответил на призыв о помощи сербского королевича-регента Александра и, исчерпав сначала все попытки к сохранению мира, объявил мобилизацию. При общей готовности принять войну и при отсутствии где-либо твердой воли, ее предотвратить, она стала неизбежной, и великие державы, связанные взаимными договорами

и стратегическими расчетами, одна за другой втягивались в нее. Германия объявила войну России 19 июля/1 августа, а Австро-Венгрия — 24 июля/6 августа.

В России весть об объявлении войны была встречена единодушно всеми слоями населения с невероятным энтузиазмом и необыкновенным подъемом патриотических чувств. В день издания Высочайшего манифеста 20 июля, в котором излагался ход переговоров, завершившихся объявлением войны Германией, площадь перед Зимним дворцом заполнилась народом; когда государь вышел на балкон, толпа опустилась на колени. Не смолкали крики «ура» и пение народного гимна. В городах, по всей стране, происходили большие патриотические манифестации.

Верховным Главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич, быстро получивший широкую популярность, как в армии, так и во всей стране.

Война началась двумя героическими подвигами России. Она спасла от разгрома двух своих союзников: Сербию — от Австро-Венгрии и Францию — от Германии.

От сербского королевича-регента Александра государь получил следующую благодарственную телеграмму от 29 июля: «Тяжкие времена не могут не скрепить уз глубокой привязанности, которыми Сербия связана со святой славянской Русью, и чувства вечной благодарности за помощь и защиту Вашего Величества будут свято храниться в сердцах всех сербов» (*Ольденбург С. С. Ор. cit. С. 531*).

В ответ на настойчивые просьбы спасти Францию, русские войска, не закончив мобилизацию, неожиданно для Германии вторглись в Восточную Пруссию и начали быстро продвигаться, что сорвало весь план германского командования, рассчитывавшего кончить войну на западе быстрым ударом. Но эта самоотверженная помощь своей союзнице стоила России огромных жертв.

В результате переброски крупных германских сил с французского фронта на русский, немцам удалось остановить наступление русских войск в направлении на Берлин и нанести им серьезное поражение. На австрийском фронте, напротив, победоносное наступление русской армии продолжало развиваться и закончилось полным разгромом австрийцев. Были взяты столица Восточной Галиции Львов, древний русский город Галич. В конце октября русские армии уже угрожали Кракову, достигли западных пределов Царства Польского и проникли в провинцию Познань.

9 марта сдалась сильнейшая австрийская крепость Перемышль. Все эти гигантские операции вошли в историю под названием Великой Галицийской битвы.

Конечно, Германия не могла оставаться равнодушной к судьбе своей союзницы. Немцы спешно перебросили с западного фронта на русский крупные силы, оснащенные до отказа артиллерией, снабженной неограниченными запасами снарядов, применив впервые тактику «ураганного огня». Так, например, в районе Дунайца они выпустили 700000 снарядов за несколько часов, тогда как русские заводы производили такое количество за полгода. Результаты не замедлили сказаться. Колесо победы повернулось в обратную сторону: русским армиям пришлось начать отступление по всему фронту. Интересно отметить, что министр снабжения союзной нам Англии выражал в своих речах радость по поводу того, что от грома германских пушек «рушатся тысячелетние оковы русского народа»!

Хотя с объявлением войны государь сам предполагал стать во главе армии, так как закон о полевом управлении был составлен в предвидении, что Верховным Главнокомандующим будет сам император, Совет министров считал невозможным совмещение этой должности с обязанностями главы государства и настаивал на назначении другого лица, выставив двух кандидатов, из которых государь выбрал вел. кн. Николая Николаевича. Сознательно воздерживаясь от непосредственного вмешательства в руководство ходом военных действий, чтобы избежать и тени двоевластия, государь, тем не менее, зорко следил за положением на фронте, давал руководящие указания и согласовывал операции наших войск с действиями союзников. Он несколько раз выезжал в Ставку для ознакомления с положением на месте, постоянно устраивал смотры войскам, отправляемым на фронт, и посещал некоторые участки фронта. Его моральное влияние для поддержания в войсках необходимой высоты духа было огромным и оказывало благотворное действие на всех — от рядового до самого Верховного Главнокомандующего. Однако пока положение на фронте не стало угрожающим, государь отклонял все предложения о более активном вмешательстве в руководство военными действиями. Но когда фронт в Галиции был прорван, государь, 5 мая, приехал в Ставку и оставался там более недели. «Мог ли я уехать отсюда при таких обстоятельствах? — писал он государыне. — Это было бы понято так, что я избегаю оставаться с армией в серьезные моменты.

Бедный Н., рассказывая все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком... Он все принимался меня благодарить за то, что я остался здесь, потому что мое присутствие успокаивало его лично». В минуты испытания спокойная твердость Государя была нравственной поддержкой Верховному Главнокомандующему*.

Если Японская война почти не отразилась на внутренней жизни России, то Великая Война потребовала предельного напряжения всех людских и материальных сил огромной страны. Действующая армия опиралась на тыл, где происходила титаническая работа, требовавшая мобилизации всех ресурсов и перехода всей жизни на военные рельсы. Надо было снабжать армию всем необходимым, т. е. винтовками, пулеметами, артиллерией, снарядами, боеприпасами и т. п. В первые же месяцы войны во всех воюющих странах неожиданно выяснилась совершенная недостаточность запасов снарядов и боеприпасов, так как современная боевая техника увеличила их расход в непредвиденных масштабах. Если западные страны с широко развитой промышленностью справились с этой задачей сравнительно легко, то для России — страны преимущественно сельскохозяйственной — преодоление этих трудностей требовало времени и героических усилий. Надо было расширять промышленность, увеличить производительность, строить новые заводы и фабрики. Но ведь это была только одна из задач, тогда как нужды военного времени, помимо нужд мирного населения, охватывали буквально все стороны жизни. Государь возглавлял всю эту гигантскую работу и воодушевлял всех ее участников, так же как он воодушевлял к борьбе с неприятелем свои доблестные войска.

* Нет ничего более ошибочного, чем общепринятая сравнительная оценка вел. кн. Николая Николаевича, как «сильного человека», а государя — как «человека слабого». В действительности, эти стороны их духовного облика были совершенно противоположными, но в обратном смысле. Вел. кн. Николай Николаевич обладал декоративной воинственной внешностью, действовавшей на воображение, гигантским ростом и громким голосом и любил грубо «распекать» высших начальников перед строем войск, чтобы создать себе популярность в солдатской массе. Но, в действительности, он был человеком малодушным, нерешительным, недалеким, не умевшим владеть собой и легко поддававшимся постороннему влиянию. Государь, напротив, как это видно из настоящего очерка, при видимой мягкости и природной скромности, обладал сильной, упорной, не ломающейся волей и непоколебимым самообладанием.

ХVIII

Личная заслуга Государя в деле борьбы с алкоголизмом и искоренения пьянства

С началом войны внутренние преобразования, естественно, должны были быть приостановлены, так как все силы страны были направлены на защиту от внешнего врага. Здесь следует, однако, отметить, что уже к этому моменту число важных реформ, проведенных со времени восшествия на престол императора Николая II, превзошло эпоху великих реформ его державного деда императора Александра II и, если бы этому не помешала война, а затем революция, царствование императора Николая II вошло бы в историю, как эпоха наибольших достижений, осуществленных верховной самодержавной властью на благо народа.

Теперь, несмотря на военное время, государь решительно приступил к осуществлению своей давнишней мечты — искоренению пьянства. Уже давно государь проникся убеждением, что пьянство — порок, разъединяющий русское крестьянство и что долг царской власти вступить в борьбу с этим пороком. Однако все его попытки в этом направлении встречали упорное сопротивление в Совете министров, так как доход от продажи спиртных напитков составлял главную статью — одну пятую — государственных доходов. Главным противником этого мероприятия был министр финансов В. Н. Коковцев, ставший преемником П. А. Столыпина на посту премьер-министра, после его трагической кончины в 1911 году. Государь глубоко ценил Коковцева, но он понимал, что пока Коковцев остается у власти, ему не удастся провести эту реформу, и, после долгих колебаний, он решил в 1914 году с ним расстаться.

В первые дни войны самые трудные вопросы внутренней жизни казались легко разрешимыми. Государь воспользовался этой минутой для того, чтобы провести свою смелую реформу. Сначала запрет на продажу спиртных напитков был введен, как обычная мера, сопровождающая мобилизацию. Затем, 22 августа, было объявлено, что запрещение останется в силе на все время войны, причем постепенно оно было распространено не только на водку, но также и на вино, и на пиво. Наконец, в сентябре, принимая великого князя Константина Константиновича, в качестве представителя Союзов трезвенников, государь сказал: «Я уже

предрешил навсегда воспретить в России казенную продажу водки» (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 538*). И эти слова монарха соответствовали в то время общему народному мнению, принявшему запрет спиртных напитков, как очищение от греха. Только условия военного времени, опрокинувшие всякие нормальные бюджетные соображения, позволили провести меру, которая означала отказ государства от самого крупного из своих доходов. Ни в одной стране до 1914 года еще не принималась такая радикальная мера борьбы с алкоголизмом. Это был грандиозный, неслыханный опыт.

В январе 1915 года Государственная Дума без возражений утвердила на текущий год бюджет, не предусматривавший доход от продажи спиртных напитков. «Прими, Великий Государь, земной поклон народа Своего! Народ Твой твердо верит, что отныне быломu горю положен навеки прочный конец!» — заявил председатель Думы Родзянко (*Ibidem. С. 548*).

Так завершилась на благо народа многолетняя упорная борьба, в результате которой непреклонная воля государя устранила все препятствия на пути искоренения одного из страшных пороков*.

* В СССР — в этой «самой свободной, передовой и счастливой стране» — алкоголизм процветает более, чем где-либо и когда-либо, причем преступная власть не только не борется с этим злом, но, по-видимому, поощряет его. Да это и понятно. Что остается делать несчастному пролетарию, живущему в тяжелых материальных условиях, лишенному религии, духовной жизни и духовных ценностей, не знающему красоты жизни и действительной человеческой свободы духа? Не проще ли, для слабого человека, уйти от тяжелой действительности и забыться, хотя бы ненадолго, одурманив себя водкой? А для правящей клики, стремящейся лишь сохранить свои привилегии, не проще ли держать в повиновении больных, одурманенных людей, чем людей здоровых телом и духом? «Коммунизм умрет — Россия не умрет», говорит популярный лозунг. Это неверно. России угрожает смертельная опасность — вырождение. Мы не знаем тайн мировой политики, тайной связи между коммунизмом и западным капитализмом. Но не есть ли поощрение алкоголизма один из не бросающихся в глаза способов геноцида для физического истребления русского народа, применяемый мировыми темными силами, о которых говорил Епископ Нектарий Сеаттлийский в своем замечательном докладе, посвященном «Прославлению Российских Новомучеников», на Четвертом Всезарубежном съезде русской православной молодежи, в гор. Сан-Франциско, в августе 1981 г. (звуковая запись)?

XIX

Катастрофа на фронте в 1915 году. Самоотверженное принятие на себя императором Николаем II Верховного командования вопреки всеобщему мнению и неоправданным опасениям. Быстрое восстановление военного положения. Россия на пороге победы в феврале 1917 года

Но самым ярким примером совершенно исключительной силы воли императора Николая II является принятие им на себя Верховного командования (кроме того, это решение государя выявило целый ряд других, чрезвычайно редких по своей духовной высоте, качеств его личности, о которых будет сказано ниже).

В августе 1915 года, в начале второго года войны, военное положение России стало почти катастрофическим. За этот год русская армия потеряла свыше 4 миллионов убитыми и ранеными и более полутора миллиона пленными (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 561*). Эти потери были вызваны преждевременным вторжением русских войск в первые месяцы войны в Восточную Пруссию, ради спасения Парижа и Франции; недостатком снарядов и другого боевого снаряжения; огромной убылью перволинейных кадров в первые полгода при наступлении; и ошибками Верховного командования. После блестящих первоначальных побед, в особенности против Австро-Венгрии, началось всеобщее отступление. На галицийском фронте, 21 мая была оставлена австрийская крепость Перемышль, триумфальное взятие которой еще было свежо в памяти у всех. 9 июня австро-венгерские войска заняли Львов, столицу Восточной Галиции, где всего за два месяца перед тем торжественно праздновали приезд государя. Военные события какого-нибудь одного месяца уничтожили плоды борьбы, тянувшейся три четверти года. Вести с фронта, одна трагичнее другой, распространялись в столицах. На Северном фронте, 22 июля была оставлена Варшава. Была объявлена спешная эвакуация Риги. Австро-венгры угрожали Киеву. Не было видно рубежа, на котором армия могла бы задержаться.

Одновременно с тяжелым кризисом на фронте все более и более обострялось положение в тылу. С самого начала войны Ставка Верховного Главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича постоянно вмешивалась в дела гражданского ведомства, что вызывало недоразумения с Советом министров

и создавало хаос в управлении страной. С распространением театра военных действий на всю западную часть России, двоевластие между Ставкой и Советом министров стало совершенно непереносимым. Возникли даже толки, что роль великого князя порождает «бонапартовские настроения», так как в своих обращениях к армии и обществу он стал принимать тон, который приличествует только монарху. Таким образом, существующее двоевластие Ставки и Совета министров необходимо было срочно устранить, причем перемены должны были быть произведены в самой Ставке.

Вот при каких обстоятельствах государь император принял на себя Верховное командование. Это чрезвычайно важное решение, от которого зависели дальнейший ход войны и даже судьба России, было им принято не только совершенно самостоятельно, без какого-либо давления или каких-либо влияний, не только без всякой поддержки с чей бы то ни было стороны, но, напротив, вопреки всеобщему мнению и многочисленным попыткам заставить Его Величество отказаться от этого шага. «Среди министров в правительстве и «народных избранников» в Думе, — пишет один из новейших исследователей (*Кривоногов В.* На страшном пути до Уральской Голгофы. Мадрид, 1975. С. 8 и послед.), — настало непонятное на первый взгляд паническое возмущение по поводу царского решения. Министры Сазонов, Кривошеин, Харитонов, Щербатов, Самарин и даже военный министр ген. Поливанов подняли настоящий шторм, осуждая решение государя стать во главе действующей армии. На заседаниях Совета министров, следовавших одно за другим, царило поистине паническое смятение умов, предсказывалась катастрофа России, взрыв «порохового погреба», революционный пожар и даже гибель монархии. Генерал Поливанов пошел так далеко, что стал открыто выражать свое мнение о неспособности государя в военно-стратегической области, в которую государь и не вмешивался».

Министр иностранных дел Сазонов назвал решение государя «ужасом», делом «опасным» и «пагубным». «В какую бездну толкается Россия!» — воскликнул он, заканчивая патетически свою речь.

Министр внутренних дел кн. Щербатов предвидел даже на фронте настоящий бунт... Он почти отказывался от ответственности за безопасность царя и его семьи в Царском Селе.

Министр Харитонов сомневался в том, что «вел. кн. Николай Николаевич захочет добровольно уступить свое место царю». Иными словами, он «считал возможным бунт его высочества в армии против своего царя».

Министр Кривошеин потерял, очевидно, окончательно интуицию монархиста и вдумчивого человека. «Ставится ребром судьба России и всего мира. Надо протестовать, умолять, настаивать, просить... чтобы удержать Его Величества от бесповоротного шага. Ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее», — истерично кричал министр, не имевший, по-видимому, уже давно никакого понятия о самой главной сути монархической идеи.

Самарин «ждал грозных последствий от перемены верховного командования». «Достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар. Вступление государя в предводительство армией явится уже не искрой, а целой свечой, брошенной в пороховой погреб».

Не менее позорным было поведение в эти исторические дни председателя Государственной Думы Родзянко — одного из главных зачинщиков и будущего возглавителя февральской смуты и бунта в 1917 году. Узнав о предстоящей перемене, он немедленно отправился в Царское Село, просил срочной аудиенции, в ходе которой назойливо старался убедить государя отказаться от намерения стать во главе армии.

«Мое решение бесповоротно», — подчеркнуто твердо ответил государь.

Жалкое правительство все же решилось послать государю коллективное письмо, которое заканчивалось словами: «Находясь в таких условиях, мы теряем веру и возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине».

Это письмо-ультиматум, содержащее угрозу отказа от служения своему государю, не подписали только премьер-министр И. Л. Горемыкин и министр юстиции А. А. Хвостов. Горемыкин в своем заявлении сказал: «Я человек старой школы, для меня Высочайшее повеление — закон. Когда на фронте катастрофа, Его Величество считает священной обязанностью Русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть. Вы никакими доводами не уговорите государя отказаться от задуманного им шага. В данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи — либо влияния. Остается склониться перед волей нашего царя и помогать ему» (Ibidem. С. 7–12). И далее:

«В моей совести — государь император — Помазанник Божий, носитель верховной власти. Он олицетворяет собою Россию. Ему 47 лет. Он царствует и распоряжается судьбами русского народа не со вчерашнего дня. Когда воля такого человека определилась и путь действий принят, верноподданные должны подчиниться, каковы бы ни были последствия. А там дальше — Божья воля. Так я думаю и в этом сознании умру» (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 560*).

Из сановных людей вокруг царского трона остался лишь один монархист по уму, сердцу и интуиции. Только премьер-министр И. Л. Горемыкин понимал высоту ответственности своего царя, его мужество и понимание тяжести создавшегося положения на фронте и в тылу. Принятие государем на себя Верховного командования было, действительно, единственным выходом, чтобы вывести Россию на путь спасения и победы.

Стоит ли упоминать о том, какие речи и выступления слышались в Государственной Думе (или «говорилке», как ее метко прозвали в народе), как распоясалась пресса, не только левая, но и «правая», какую позицию заняла интеллигенция и каково было поведение пресловутой «общественности».

Есть русская поговорка «один в поле не воин», и есть мужественный девиз Виленского Военного училища: «и один в поле воин». В этот исторически момент государь последовал этому героическому девизу: он, действительно, выступил один против всех.

Император Николай II, пишет современный историк, должен был обладать большой силой воли, недюжинной твердостью характера и весьма широким кругозором вождя, чтобы остаться непоколебимым в своем судьбоносном решении и смело принять вызов и внешних врагов и внутренних, в том числе немощных людей своего окружения» (*Криворотов В. Op. cit. С. 10–11*).

Как показали последующие события, вопреки всем предсказаниям, опасениям и запугиваниям, решение государя было совершенно правильным и привело к блестящим результатам, причем выявилась не только во всей полноте твердость характера государя, но и его глубокая умственная проницательность.

В армии принятие государем Верховного командования было принято восторженно. Трудное наследие досталось государю, когда он прибыл в Ставку 23-го августа. «Сего числа, — гласил его приказ, — Я принял на Себя предводительство всеми сухо-

путными и морскими силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верой в помощь Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамям Земли Русской» (*Ольденбург С. С. Op. Cit. С. 562*).

Своим ближайшим помощником — начальником штаба — государь избрал ген. М. В. Алексеева*; генералом-квартирмейстером был назначен ген. А. Лукомский, блестяще разработавший план мобилизации, проведенный под его руководством в начале войны. Великий князь Николай Николаевич и его сотрудники были переведены на Кавказский фронт. В Совете министров были уволены в отставку несколько министров.

Сам государь был глубоко военным человеком, горячо любившим армию и принимавшим близко к сердцу ее нужды**. Он с детства получил прекрасное военное воспитание, затем прошел строевую службу во всех родах оружия и, наконец, получил среднее и широкое высшее военное образование. Ежегодно он участвовал в военных маневрах, всю жизнь интересовался военным делом и пополнял свои знания. Благодаря частным смотрам и посещениям всех частей огромной страны, он отлично знал личный состав армии. У государя не было боевого опыта, и он никогда не командовал большими воинскими соединениями. Вот этот пробел и заполнял ген. Алексеев. Но зато у государя были два ценнейших для военачальника качества, которых не было у его помощника: он обладал необыкновенным самообладанием и огромной способностью быстро и трезво оценивать обстановку при любых обстоятельствах. Один из чинов Ставки свидетельствует в своих воспоминаниях (*Русская летопись. Кн. I. Париж, 1921*), что он много раз видел ген. Алексеева в оперативной комнате чрезвычайно растерянным и панически настроенным под влиянием полученных тревож-

* Бывший начальник штаба Командующего Западным фронтом. Талантливый стратег, отличавшийся исключительной трудоспособностью. Пользовался полным доверием государя, но, будучи человеком левых убеждений, в дни февральской смуты 1917 г. предательски изменил государю.

** Так, например, после Русско-японской войны, когда в армии было введено новое солдатское обмундирование, государь, находясь на отдыхе в Крыму, сам в полном боевом солдатском снаряжении нового образца проделал в пешем порядке 20-верстный поход, чтобы лично проверить, насколько оно удобно и не перетруждает ли солдата средней физической силы.

ных известий с фронта, но после доклада Его Величеству и непродолжительного обмена мнениями, ген. Алексеев совершенно преобразался и быстро принимал необходимые меры. Такое удачное взаимное дополнение талантов Верховного Главнокомандующего и его начальника штаба* не замедлило привести к благим результатам.

Уже через три недели положение коренным образом изменилось: наступление германо-австрийцев было остановлено, а через короткое время русские войска короткими ударами на отдельных участках фронта, сами перешли в наступление.

Государь глубоко верил в свой великий народ и не ошибся. Своим присутствием в эпицентре грандиозных событий он вернул своей армии духовную силу для борьбы с внешним врагом. Та же духовная сила захватила и народные массы в тылу, возродила веру в победу и волю к труду по вооружению армии.

В своей оценке происшедших в военном положении России перемен, вскоре после принятия государем на себя Верховного командования, английский военный министр Винстон Черчилль пишет: «Мало эпизодов Великой Войны более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году. К лету 1916 г. Россия, которая 18 месяцев перед тем была почти безоружной (принеся, в начале войны, цвет своей армии в жертву ради спасения своей союзницы — Франции), которая в течение 1915 года пережила непрерывный ряд страшных поражений, действительно, сумела, собственными усилиями и путем использования средств союзников, выставить в поле — организовать, вооружить, снабдить — 60 армейских корпусов (т. е. 240 дивизий), вместо тех 35, с которыми она начала войну» (*Winston Churchill. The World Crisis. 1916–1918. Vol. I. London, 1927*).

И этот необыкновенный успех принадлежал исключительно императору Николаю II и был его личной заслугой перед Россией.

* Небезынтересно отметить, что когда, после революции, ген. Алексеев был назначен Временным правительством на пост Верховного Главнокомандующего, он оказался совершенно неспособным к этой должности и через два месяца был сменен. Точно так же ген. Куропаткин бывший незаменимым начальником штаба при знаменитом ген. Скобелеве («белом генерале») при покорении Туркестана, проявил полную бездарность в должности Главнокомандующего в Русско-японскую войну.

Вот какую оценку этой заслуги дает самый серьезный историк царствования царя-мученика С. С. Ольденбург в своем капитальном труде, посвященном этой эпохе русской истории:

«Самым трудным и самым забытым подвигом императора Николая II было то, что он, при невероятно тяжелых условиях, довел Россию до порога победы: его противники не дали ей переступить через этот порог.

Борьба, которую Государю пришлось выдержать за самые последние месяцы своего царствования, в еще большей мере, чем события в конце японской войны, напоминают слова Посошкова о его державном предшественнике: “Пособников по его желанию не много: он на гору аще и сам десять тянет, а под гору миллионы тянут”» ... (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 642*).

* * *

В феврале 1917 года численность русской армии превышала 8 миллионов бойцов. Военные склады, в прифронтовой полосе и в тылу, были завалены снарядами, пулеметами, винтовками, боеприпасами и всем необходимым боевым и другим воинским снаряжением. Армейская артиллерия была полностью укомплектована, а в артиллерийских парках хранились огромные запасы орудий всех типов, в том числе и наиболее тяжелых. В течение зимнего затишья войска на фронте отдохнули, прошли дополнительную подготовку к наступательным операциям для прорыва неприятельского фронта. Моральный дух в действующей армии был отличен: все сознавали собственную великую мощь, все понимали, что наступает решительный момент и близится конец войны. Весеннее наступление, намеченное на апрель, должно было неминуемо полностью разгромить и раздавить врага. Россия, действительно, «стояла на пороге победы, которая должна была обеспечить ей славу, небывалый расцвет и мировое могущество, а русскому народу — мир и благоденствие на многие годы» (*Алферьев Е. Е. Op. cit. С. 29*).

«...Девять лет понадобилось Петру Великому, чтобы Нарвских побежденных обратить в Полтавских победителей. Последний Верховный Главнокомандующий Императорской армии — император Николай II сделал ту же великую работу за полтора года. Но работа его была оценена и врагами, и между государем и его армией и победой “стала революция”», — пишет ген. Н. А. Лохвицкий.

Но всего ярче о том же свидетельствует Черчилль (бывший в момент революции английским военным министром) в своей книге о Мировой войне.

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была на виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак — флотом*. Кроме того, — никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшаяся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами — держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы.

...В марте царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна.

Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государствами, когда творятся великие собития, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывает работу, кто начертывает план борьбы; порицание или хвала за исход

* Эта формулировка английского автора совершенно не соответствует действительности. Верховным Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российской империи был, начиная с 23- августа 1915 г., — как и сказано выше, — сам государь император; ген. Алексеев занимал должность его Начальника штаба, а адм. Колчак был командующим Черноморским флотом, составившим лишь незначительную часть Российских военно-морских сил.

довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот — поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было его доли? Несмотря на ошибки большие и страшные*, — тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру — к этому моменту выиграл войну для России.

Вот Его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех Его любящих предадут на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают; Его действия осуждают; Его память порочат... Остановитесь и скажите: кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых; людях честолюбивых и гордых духом; отважных и властных — недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями» (*Winston Churchill. Op. tit. P. 223–225*).

* Какие ошибки? Иностранные авторы постоянно твердят об «ошибках больших и страшных» императорского строя и его возглавителя — носителя Верховной власти в императорской России, но никто из них никогда не указал, в чем собственно состояли эти ошибки и «грехи».

XX

Февральская смута 1917 года. Революция. Генеральский бунт. Трезвая оценка государем создавшегося положения. «Кругом измена, и трусость, и обман». «Если России нужна искупительная жертва, я буду этой жертвой». Отречение

В политике ничего не происходит случайно. Вы можете быть уверены, что все совершается по заранее разработанному плану.

*Президент США
Франклин Делано Рузвельт**

Держа победу уже в руках, пишет Черчилль, Россия заживо пала на землю. Но как же могло это случиться? Сложный и еще не исследованный в полном объеме вопрос о причинах русской революции выходит за рамки настоящего труда, и мы рассмотрим его лишь постольку, поскольку он касается нашей темы, а именно: следует ли искать причины происшедшей катастрофы в «слабоволии», «нерешительности» или «малодушии» государя Николая Александровича? Для этого, не входя в подробное рассмотрение событий февральской смуты (их краткое изложение в хронологическом порядке см.: «Письма царской семьи из заточения» (Op. Cit. С. 29–37)), мы коснемся лишь тех из них, которые зависели или могли зависеть от этих сторон личности государя.

22 февраля/7 марта государь отбыл из Царского Села в Ставку, находившуюся в Могилеве, где его присутствие, как Верховного Главнокомандующего, было необходимо для подготовки решительного весеннего наступления.

Революционеры всех званий и направлений как будто ждали этого момента, чтобы, воспользовавшись отсутствием из столицы государя императора, попытаться свергнуть существующий государственный строй. Надо было торопиться, так как всем было ясно, что через два месяца это станет невозможным. Победа русских войск под личным предводительством их державного во-

* *Anthony J. Hilder. The War Lords of Washington. An Interview with Col. Curtis Dall. Published by The Institute for Historical Review. Torrance, California, U. S. A. Col. Curtis Dall — бывший зять Ф. Рузвельта.*

Примечание. — Эту же мысль высказал почти за сто лет до Рузвельта его единомышленник Ж. Дизраэли, известный английский государственный деятель, возведенный Королевой Викторией в графское достоинство под именем лорда Биконсфильда.

жда настолько укрепило бы его престиж и монархический образ правления, что православная самодержавная Россия стала бы неуязвимой. Как и во время Русско-японской войны, надо было во что бы то ни стало этому воспрепятствовать.

Все это отлично понимал и государь, но он не знал и не мог ни ожидать, ни даже подозревать, всей широты фронта внутренних врагов и их заграничных соучастников.

На этот раз подрывная работа финансировалась и поддерживалась не только внешним врагом — Германией, не только нейтральными странами, правящие круги которых были враждебны Православному Русскому Царству (США*) и даже крохотной, но богатой, — Швейцарией и др.), но и некоторыми нашими собственными союзниками. Это предательство, которого благородный Русский Император не мог предполагать, объясняется не только тем, что в то время, в предвидении близкой победы, уже обсуждались планы предстоящей мирной конференции, и союзники не хотели допустить Россию к участию в разделе плодов одержанной победы**. Их главной целью было свержение традиционного самодержавного государственного строя России. Все, конечно, понимали, что крушение императорской России надолго задержит окончание страшной мировой войны — и, действительно, война затянулась еще на полтора года, что принесло народам воюющих стран новые бедствия, но для руководителей мировых закулисных сил это было безразлично, и они добились, наконец, осуществления

* В конгрессе США слышались речи, что эта страна не может выступить на стороне союзников, так как ей не причитается быть в союзе с императорской Россией. Она вступила в войну лишь после революции, когда власть захватило масонское Временное правительство и когда выяснилась полная небоеспособность «свободной» России, и надо было заполнить образовавшийся пробел. А тем временем американские еврейские финансисты, во главе с крупнейшим банкиром Яковом Шиффом, расходовали колоссальные средства на подрывную работу. Впоследствии, именно этот Шифф передал Янкею Свердлову приказ свыше о расстреле всей царской семьи (см.: *Robert Wilton. The Last Days of the Romanovs.* London. Thornton Butterworth, 1920).

** В виде компенсации за принесенные жертвы, единственной претензией России было присоединение Босфора и проливов, т. е. осуществление всегдашней мечты русского народа и самого государя — воздвигнуть снова Православный Крест на храме Св. Софии, превращенном в мечеть после захвата Константинополя (Царьграда) мусульманами в XV веке.

своей заветной цели — уничтожения православного российского государства.

Что касается внутренних врагов, то в памяти государя навсегда запечатлелся роковой день 1/13 марта 1881 года — день убийства его державного деда царя-освободителя Александра II. Он хорошо помнил их предательскую деятельность в годы Русско-японской войны и вызванную ими революцию 1905 года, но сейчас их фронт значительно расширился и возглавлялся Государственной Думой, ставшей центром подрывной работы. Но государь не мог подозревать самого страшного — измены со стороны своих ближайших сотрудников, старших военачальников, пользовавшихся его безграничным доверием, — измены, дошедшей до подножья Трона. Он не знал, что его начальник штаба ген. Алексеев, командующий Северным фронтом ген. Рузский и др. находятся в тесном контакте с главарями Думы: — ее председателем Родзянко, Гучковым, замышлявшим дворцовый переворот, лидером кадетской партии Милюковым и др. (О предательстве ген. Алексеева см.: *Кобылин В.* Император Николай II и Генерал-адъютант М. В. Алексеев. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1970). С развитием событий государю пришлось убедиться в том, что даже из числа лиц его свиты, составлявших его ближайшее окружение, которые могли бы оказать ему хотя бы моральную поддержку, многие изменили присяге, своему императору и Родине.

На следующий день после отъезда государя из Царского Села, 23 февраля/8 марта, в Петрограде начались беспорядки, вызванные ложными слухами о недостатке хлеба. Петроградский район был в то время крупным промышленным районом с многочисленным рабочим населением. Кроме того, по распоряжению ген. Поливанова (участник заговора против государя. Впоследствии перешел на службу к большевикам), в бытность его военным министром, там было сосредоточено до 200000 новобранцев, ожидавших отправки на фронт. Вся эта солдатская и рабочая масса, жившая в глубоком тылу в развращающих условиях большого города и в течение многих месяцев подвергавшаяся энергичной политической и пораженческой пропаганде со стороны революционеров и платных германских агентов, представляла собой готовый горючий материал для поднятия мятежа. Была организована забастовка рабочих. В начале боевым лозунгом бастующих было требование хлеба. Но как только удалось вывести

толпу на улице, манифестации стали принимать политический характер: появились красные флаги и плакаты с надписями «дой самодержавие» и «дой войну».

Между тем государь в Ставке получил только 25 февраля сообщение о том, что беспорядки в столице разрастаются. Он сразу понял необходимость самых энергичных мер и телеграфировал командующему войсками ген. Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии» (*Ольденбург С. С. Ор. cit. С. 627*). Наконец, 27 февраля вспыхнул открытый военный бунт. Начались убийства офицеров. Таврический дворец, занимаемый Государственной Думой, стал штаб-квартирой бунтовщиков, где в тот же день, под одной крышей, образовались два самостоятельных революционных органа: Временный комитет Государственной Думы, во главе с ее председателем Родзянко, и Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов. Оба эти органа, в состав которых вошли левые депутаты Думы, социалисты и даже освобожденные из тюрем уголовные преступники, присвоили себе право говорить от имени русского народа и стали рассылать по всей стране телеграммы революционного содержания*.

Фактически, так называемая «февральская революция» была всего лишь неподавленным бунтом разнузданной солдатни и рабочей массы, организованном предателями и врагами России. Достаточно было незначительной дисциплинированной и верной присяге воинской части — полка или бригады — под начальством решительного человека, чтобы усмирить мятеж. Мы видели, как во время революции 1905 года назначенный государем ген. Меллер-Закомельский с отрядом всего лишь в 200 человек, подобранных из варшавских гвардейских частей, в три недели очистил 8-тысячный Великий Сибирский Путь, забитый эшелонами почти 100-тысячной массы бунтующей солдатни, возвращавшейся из Маньчжурии. В феврале 1917 года такого человека не нашлось. Хорошо понимая необходимость поддержания порядка в столице в военное время, государь предусмотрительно еще в середине

* Интересно отметить, что Временное правительство, которое через два дня образовал из своей среды Временный комитет Государственной Думы, состоял сплошь из масонов, а в первом составе Совета рабочих и солдатских депутатов насчитывалось 97 процентов евреев (которые не были к тому же ни «рабочими», ни «солдатами»).

января приказал своему начальнику штаба ген. Алексееву вызвать в Петроград с фронта 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Под разными предлогами этот приказ задерживался и, в конечном счете, не был выполнен.

Положение государя в Ставке осложнялось тем, что он не получал правильной информации о событиях, происходивших в Петрограде. От градоначальника ген. Балк, командующего войсками петроградского округа ген. Хабалова, министра внутренних дел Протопопова и председателя Думы Родзянко поступали самые разноречивые сообщения.

Кроме того, по роковому стечению обстоятельств, государь лишился самого надежного источника информации. В день отъезда государя все августейшие дети, один за другим, заболели в тяжелой форме корью, причем жизни наследника и двух великих княжон угрожала серьезная опасность. Дворец превратился в лазарет, и государыня сосредоточила все свои силы на уходе за больными. Протопопов докладывал Ее Величеству по телефону самые успокоительные вести, которые она, в свою очередь, передавала Государю*.

Узнав о военном бунте, государь решил отправить в Петроград генерал-адъютанта Н. И. Иванова с чрезвычайными полномочиями для восстановления порядка. Одновременно он распорядился, чтобы с трех фронтов было отправлено по две кавалерийских дивизии, по два пехотных полка из самых надежных и пулеметные команды (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 631*). В этот же день он принял решение вернуться в Царское Село. Покидая в столь критический момент Ставку, где были сосредоточены все нити военного управления, государь терял непосредственный контакт с армией и фактически передал власть в руки ген. Алексеева, вполне полагаясь на верность и верноподданность старших военачальников. Это решение, как показал дальнейший ход событий, оказалось роковым.

Рано утром 28 февраля государь отбыл из Могилева и весь этот день провел в пути. В ночь на 1 марта, в 150 верстах от Пе-

* Утратив способность передвижения из-за болезни детей, августейшая семья оказалась прикованной к бунтующей столице. Если бы Ее Величеству и августейшим детям удалось вовремя покинуть Царское Село и выехать навстречу государю, если бы в эти судьбоносные дни Царская Семья не была разлучена, ход истории мог бы принять иное направление. «Письма Царской Семьи из заточения». Op. cit. С. 34–35.

трограда, царские поезда были остановлены, так как следующая станция якобы была занята мятежниками (эти сведения, как выяснилось впоследствии, были неверными). После неудачной попытки пробиться в Царское Село другим маршрутом, государь решил ехать в Псков, где находился штаб командующего Северным фронтом ген. Рузского, куда он прибыл вечером того же дня.

Вечером 1 марта Совет рабочих и солдатских депутатов издал знаменитый приказ № 1, подрывавший все основы дисциплины в армии и флоте, но утвердивший авторитет и популярность Совета среди солдатской массы, особенно в тылу. Русская армия, как боевая сила, перестала существовать.

В тот же вечер государь имел продолжительный разговор с ген. Рузским, который добивался согласия Его Величества на ответственное министерство. Государь возражал «спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения: — Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится» (*Ольденбург С. С. Ор. cit. С. 636*). Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена и высказал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей (*Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922*). Этот разговор явился моментом происшедшего у государя психологического перелома, когда у него появилось ощущение безнадежности. Фактически, при той позиции, которую занимали Рузский и Алексеев, возможность сопротивления исключалась. Будучи отрезанным от внешнего мира, государь находился как бы в плену. Его приказы не исполнялись, телеграммы тех, кто остался верным присяге, ему не сообщались. Государыня, никогда не доверявшая Рузскому, узнав, что царский поезд задержан в Пскове, сразу поняла опасность. 2 марта она писала Его Величеству: «А ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сделать?» И, действительно, не было ли это осуществлением, хотя и в несколько измененном виде, давно задуманного плана Гучкова, состоявшего в том, чтобы захватить по дороге между Царским Селом и Ставкой императорский поезд и вынудить отречение, не останавливаясь в случае необходимости даже перед применением силы (*Письма Царской Семьи из заточения. Ор. cit. С. 32*).

Наступил роковой день 2/15 марта. В ходе Своего разговора с Рузским, государь дал согласие на ответственное министерство. В 3 ч 30 м утра тот сообщил Родзянко, что государь поручает председателю Думы составить первый кабинет. Этот последний ответил отказом, указав, что требования революционеров идут дальше и что ставится вопрос об отречении государя императора от престола. К этому времени, «ген. Рузский действовал уже явно, как сторонник революционеров» (*Криворотов В. Op. cit. С. 53*). Той же ночью он своей властью распорядился прекратить отправку в Петроград верных присяге войск для подавления мятежа. Такой же приказ был отдан Ставкой, т. е. ген. Алексеевым, командующим двух других фронтов*. Затем Рузский передал Алексееву свой разговор с Родзянко. Слова Родзянко были немедленно подхвачены Алексеевым. В 10 ч утра он по своей инициативе разослал циркулярную телеграмму всем командующим фронтами, в которой, изобразив положение в Петрограде в ложном свете, просил их, если они согласны с его мнением,

* Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922.

Примечание. — От юго-западного фронта государь приказал отправить, в числе других полков, г. — гв. Преображенский полк. Утром 2 марта командующему 2-м батальоном, шедшим в авангарде, еще с вечера погруженным в эшелон на ст. Киверцы и готовым к отправке, капитану Зубову 1-му была передана телеграмма, содержащая следующий приказ: «... начальнику отряда Особого назначения от юго-западного фронта... ввиду минования надобности в отряде Особого назначения и наступившего спокойствия в гор. Петрограде — движение отряда отменяется... Полкам заступить на свои позиции... генерал Алексеев». На эту телеграмму офицеры 2-го батальона ответили, что генерала Алексеева они не знают, а им известен генерал-адъютант Алексеев. Около полудня командир полка подтвердил, что «получено распоряжение из Ставки об отмене движения на Петроград». Кап. Зубов 1-й, обратив внимание на подпись, доложил о возражении офицеров 2-го батальона. «На это командир полка сказал: "... дисциплина нам не позволяет ослушаться приказа начальника штаба Его Величества... я отдаю тебе приказание разгрузаться..." С тяжелым сердцем, — пишет в своих воспоминаниях полковник Ю. В. Зубов, — было отдано приказание батальону разгрузаться». (См.: Л.-гв. Преображенского полка полковник Ю. В. Зубов. «С полком прадедов и дедов в Великую войну 1914–1917 гг.». Париж, 1978 г. Посмертное издание. С. 229–231.) Эта телеграмма была отправлена из Ставки в ночь на 2 марта, т. е. еще до отречения государя императора, в то же время, когда ген. Рузский также самовольно отменил приказ государя об отправке в Петроград самых надежных войск для усмирения бунтовщиков. Показания полковника Ю. В. Зубова служат лишним доказательством измены обоих названных генерал-адъютантов и их соучастия в предательском революционном заговоре.

срочно телеграфировать свою просьбу государю об отречении. К 2 ч 30 м дня ответы всех высших начальников действующей армии были получены: все они присоединялись к предложению Алексеева. Измена оказалась поголовной. В новейшей литературе эту измену часто называют «генеральским бунтом», так как в Ставке и в штабах командующих фронтами примеру своих начальников почти сразу последовали многие штабные генералы, занимавшие менее видные должности. Старшие военачальники, в том числе пять генерал-адъютантов, изменив воинской чести и долгу присяги, оказались в одном лагере с петроградской чернью. Расчет начальника штаба и его единомышленников был правильным — этот решающий удар сломил последнее сопротивление государя. Все эти лица просили государя отречься от престола «ради блага Родины», «спасения России» и «победы над внешним врагом». Особенно тяжелое впечатление произвела на государя телеграмма его дяди, старейшего члена династии, вел. кн. Николая Николаевича, который «коленипреклоненно» умолял государя отречься от престола (*Ольденбург С. С. Op. cit. С. 638*). Ознакомившись с содержанием услужливо поданных ему телеграмм, государь ни минуты более не колебался и уже в 3 ч дня дал согласие на отречение.

Первоначальный текст отречения государь написал в пользу наследника цесаревича Алексея Николаевича, но позднее в тот же день, после продолжительного разговора с лейб-хирургом Федоровым о здоровье наследника, он передумал и решил отречься в пользу своего августейшего брата великого князя Михаила Александровича. Этим Актом он не нарушал свою присягу Поманника Божьего и не упразднял самодержавный монархически строй, но лишь подчинялся всеобщему требованию своего окружения уступить трон, «ради блага и спасения России», следующему по старшинству члену династии. В тот же день, в Петрограде, Милюков объявил в Таврическом дворце, перед случайным сборищем людей, об образовании Временного Правительства*. О том, насколько правильно государь оценивал создавшееся положение и окружавших его людей, свидетельствует короткая

* Как сказано выше, первый состав этого правительства, встретившего сразу же признание за границей, был масонским. К масонству также принадлежали многие участники «генеральского бунта», в том числе ген. Рузский (*Свитков Н. Масонство в русской эмиграции. Париж, 1930*).

запись, ставшая исторической, сделанная им в своем дневнике в этот роковой день: «Кругом измена, и трусость, и обман».

На следующий день, 3 марта, государь вернулся в Могилев. В последующие дни он был занят отданием последних распоряжений.

Во всех повелениях и действиях государя, предшествующих отречению или последовавшим за ним, как в фокусе собраны все четыре главные стороны духовного облика Николая II: религиозность, горячая вера в Бога; воля, не резкая, но спокойная, настойчивая и не сдающаяся; тонкий и большой ум и пламенная любовь к России.

«Отрекаясь, он ушел не «хлопнув дверью»*, а с величием царя, с молитвой христианина, с мудростью правителя и с волей героя духа. С всепрощающей любовью к Родине сделал он все, чтобы облегчить России ближайшие последствия отречения» (Тихменев Н. М. Духовный облик Императора Николая Второго. США: Издание Союза ревнителей памяти императора Николая II, 1952. С. 11).

Вот, что пишет об этом «старый профессор» кн. Д. В. Оболенский в своем очерке, посвященном государю:

«Он сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить своим преемникам успех в борьбе с внешним врагом и внутренними беспорядками. Понимая отлично, что регент не будет иметь того авторитета, как император, что лица, способствовавшие перевороту, всегда будут бояться возмездия со стороны сына низложенного императора, Николай II отказался в пользу брата. Мало того, он указал брату путь сближения с народным представительством (присяга конституции, ответственный кабинет). Он дал приказ армии и флоту бороться до конца за Россию вместе с союзниками и повиноваться Временному правительству (без этого приказа многие офицеры не присягнули бы этому правительству). Он назначил Верховным Главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича, а председателем Совета министров — кн. Львова**, которого Государственная Дума намечала на этот

* Что, по-видимому, более соответствовало бы хотя бы представлению о «человеке сильной воли».

** Один из мемуаристов характеризует премьер-министра Временного правительства кн. Львова следующими словами: «человек с лакейской душой и дарованиями повара». Эти последние слова основаны на том, что Львов, благополучно бежавший из Петрограда, как и его коллеги, «спасители

пост, — именно для того назначил, чтобы оставшиеся верными Государю могли со спокойной совестью подчиниться тем, кому повиновением обязал их сам государь» (*Кн. Д. В. Оболенский. Император Николай II. Париж: Изд. Союза ревнителers памяти императора Николая II, 1958*).

В этих действиях государя проявились исключительное благородство его души, самоотверженная горячая любовь к Родине и отсутствие какого бы то ни было тщеславия и себялюбия.

В скорбный и трагический час прощания, после отречения, с личным составом Ставки, т. е. своего штаба, государь сказал: «Сегодня я вижу вас в последний раз; такова воля Божия и следствие моего решения» (*Тихменев Н. М. Op. cit. С. 4*).

Общеизвестны его слова: «Если России нужна искупительная жертва, я буду этой жертвой» (*Ibidem*). И еще: «Я берег не самодержавную власть, а Россию» (*Ibidem*), — сказал он другу семьи графу Фредериксу.

4-го марта государь пришел в последний раз в генерал-квартирмейстерскую часть для принятия доклада генерала Алексева о положении на фронтах. Вот, что говорит об этом докладе ген. К-ий, присутствовавший на нем, вместе с ген. Лукомским, по службе:

«Спокойно, внимательно слушал государь ген. Алексева, который вначале волновался, спешил и только через несколько минут, под влиянием вопросов Его Величества, замечаний и указаний, стал докладывать как всегда. Государь припоминал фронт поразительно точно, указывая на части войск, фамилии начальников и характерные особенности того или другого места боевой линии. А ведь она тянулась чуть ли не на 3000 верст!

«Я не мог оторвать от царя глаз», — говорил ген. К — ий — этот сдержанный и холодный человек. «Сколько должно было быть силы воли у государя, чтобы полтора часа слушать в последний раз доклад о великой войне. Ведь государь, нечего скрывать, относился к боевым операциям не только сознательно, но он ими руководил и давал указания ген. Алексеву. И все

России», оказался в Екатеринбурге, в большевистской тюрьме, из которой, впрочем, как и следовало ожидать, был вскоре выпущен за свои заслуги перед революцией. В своих воспоминаниях, написанных в Париже, где этот субъект обосновался впоследствии, он писал, что, находясь в Екатеринбургской тюрьме он нес обязанности повара, причем, как он самодовольно отмечает, особенно отличился своими кулинарными способностями.

это оборвать, кончить, помимо своей воли, отлично понимая, что от этого наверное дела наши пойдут хуже». «Только перед тем, как оставить всех нас, государь как будто взволновался и голосом более тихим, чем всегда, и более сердечным, сказал, что ему тяжело расставаться с нами и грустно в последний раз быть на докладе, «но видно, воля Божия — сильнее моей воли» (Ставка Верховного Главнокомандующего. Два приказа государя императора Николая II. Рассказ очевидца // Русская летопись. Кн. I. Париж, 1921. С. 168–169).

* * *

Вечером 7 марта государь собственноручно, как он это делал всегда, написал свой замечательный прощальный приказ к армии и флоту, датированный следующим днем. Вот текст этого документа, полного исторической красоты и благородства:

«В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжении двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведет Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

Николай.

8-го марта 1917 г. — Ставка»

(Русская летопись. Кн. I. Ор. cit. С. 170).

Но эти великие слова государя к его армии не были допущены к войскам революционными главарями, свергшими своего царя. Ген. Алексеев, не будучи вообще подчиненным Военному министру, подобострастно протелеграфировал своему другу, новому главе Военного министерства Гучкову, что государь написал

прощальное слово к войскам. В ответ на это сообщение, в Ставку пришла телеграмма с воспреещением печатать и распространять прощальный указ царя. Давний злобный враг и интриган против государя, один из главарей революционеров, с первых же часов, добравшись до власти, совершает гнусный и подлый поступок, не допуская слова государя до русских солдат. Алексеев и Гучков, совершив переворот и измену, очевидно, боялись, что слово царя западет в душу солдата, произведет смущение и может вызвать ропот, негодование и волнение на фронте. Они опасались, что армия не на стороне изменников.

Этот эпизод с полной ясностью показывает, к каким недостойным, мелким людям принадлежали революционные вожаки, к которым перешла власть в дни величайшей войны.

Этот дивный, святой приказ императора Николая Александровича к своим войскам, а через них и ко всей России, не по вине государя не дошедший до нее, запечатлен теперь праведной кровью царя-мученика, принявшего смерть, но не ставшего изменником своего Отечества и до конца сохранившего верность своим союзникам, которые также ему изменили и ликовали по поводу его свержения, получив за то от Господа в свое время должное возмездие (Ibidem. С. 16–171).

* * *

Утром на следующий день, в среду 8-го марта, государь прощался со всеми чинами своего штаба, начиная со старших до самых низших. Все собрались в большом зале Управления дежурного генерала. Государь говорил ровным голосом, ясно, отчетливо, с глубоким сердечным вниманием. Его простые слова глубоко западали в душу. Всем было невообразимо тяжело. Закончив свои прощальные слова, Его Величество начал обходить присутствовавших, каждому подавая руку. Нервное напряжение в зале достигло предела. Многие плакали. Некоторые не могли сдерживать рыданий, двое или трое упали в обморок. «Стоявший рядом со мною на вытяжку рослый конвоец, — рассказывает очевидец, — неожиданно как-то странно охнул и, как сноп, рухнулся во весь рост на пол»... Общая атмосфера в зале настолько накалилась, стала настолько мучительной, что государь, — то ли поддаваясь всеобщему настроению, несмотря на свое сверхчеловеческое самообладание, то ли не желая подвергать присутствовавших дальнейшей нравственной пытке, — прекратил обход и быстрыми шагами вышел из зала.

XXI

*Арест государя императора, государыни императрицы
и августейших детей*

День 8/21 марта 1917 г. будет записан на позорнейшей странице русской истории. В то время как государь, вынужденно отрекшийся от Престола и вынужденно покидавший свою великую миссию Верховного Главнокомандующего российскими вооруженными силами в решительный момент Великой Войны, проявил исключительное благородство, всеми силами старался, ради блага России и победы над неприятелем, облегчить задачу своих преемников — Временному правительству, состоявшему из его противников и личных врагов, это последнее навеки заклеяло себя и всех своих приверженцев, издавна подготовлявших свержение исторического государственного строя и работавших на революцию и, наконец, захвативших власть в свои руки, целым рядом позорнейших и низких поступков. Сразу же после формирования Временного правительства, это последнее взяло на себя обязательство обеспечить государю свободный проезд в Царское Село, свободное там пребывание всей августейшей семье и, в случае их желания, беспрепятственный отъезд за границу. Отрекшись от престола, царь обратился с письмом к кн. Львову, вверяя ему, как главе новой власти, свою судьбу и судьбу своей семьи.

Между тем, согласно показаниям благополучно бежавших за границу бывших членов Временного правительства (кн. Львов, Керенский, Гучков, Милюков и др. — все масоны), опрошенных судебным следователем Н. А. Соколовым, ведшим следствие по делу об убийстве царской семьи (*Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Буэнос-Айрес, 1969. С. 11–12, 270*), Временное правительство уже 7 марта* вынесло постановление об аресте императора и императрицы. 8-го марта в Могилев прибыли четыре думских депутата для ареста государя. В телеграмме кн. Львова сообщалось, что они будут сопровождать государя в Царское Село, как главу правительства, отказавшегося от власти, и что эта

* Эти показания ложны, что явствует из сопоставления дат отречения государя, образования Временного правительства и прибытия в Могилев думских депутатов для ареста государя. Решение об аресте было принято на первом же — или одном из первых — заседаний этого правительства, а задумано еще задолго до революции.

их командировка означает проявление внимания к государю. Это была бессовестная ложь. Как только государь сел в поезд, эти лица объявили ему через генерал-адъютанта Алексеева, еще накануне осведомленного об истинной цели их приезда, что он арестован.

Государь прибыл в Царское Село 9 марта. Его встретил на платформе вокзала полковник Кобылинский, новый начальник царскосельского караула. Свидетель Е. С. Кобылинский, говорит судебный следователь Н. А. Соколов, показал: «В поезде с государем ехало много лиц свиты. Когда государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал тогда генерал-майор К. А. Н — н (близкий друг государя с детских лет) и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цаблер. Сцена эта была весьма некрасива» (*Соколов Н. А. Op. cit.* С. 10). Государь проследовал в Александровский дворец. Из многочисленных приближенных, приехавших вместе с Ним, только один гофмаршал кн. В. А. Долгоруков* пожелал сопровождать Его Величество. Одновременно с государем, в тот же день 8-го марта, участник «генеральского бунта», Командующий войсками Петроградского военного округа, заранее намеченный на эту должность думскими революционерами и назначенный последним приказом государя ген. Л. Корнилов** арестовал в Царском Селе, по постановлению Временного правительства, государыню императрицу Александру Феодоровну и августейших детей.

* Свиты Его Величества ген.-майор кн. Василий Александрович Долгоруков. Добровольно последовал с царской семьей в Тобольск и Екатеринбург, где вскоре был расстрелян. 31 октября/1 ноября 1981 г. канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей. Ныне св. муч. воин Василий.

** Генерал-адъютант Алексеев и ген. Корнилов, всем обязанные государю, пользовавшиеся его безграничным доверием, обласканные им и осыпанные наградами, изменили своему императору и воинской присяге. Тем не менее в некоторых кругах русской национальной эмиграции их до сих пор продолжают прославлять, как «рыцарей белой идеи». Оба они предстали на Суд Божий одновременно с преданным ими государем, в 1918 г., всего лишь через год после подготовленной ими революции. Первый умер от болезни, второй был убит большевиками. Тогда же был жестоко наказан за свои преступления и их соучастник, главный руководитель «генеральского бунта», ген. Рузский — он был зверски замучен большевиками в Кисловодске, в сентябре того же 1918 г.

Так началось 16-месячное заточение царской семьи — сначала в Царском Селе, затем ссылка в Тобольск и наконец увоз в Екатеринбург, где царственные узники приняли мученические венцы.

«Лишение царя свободы было поистине вернейшим залогом смерти его и его семьи, ибо оно сделало невозможным отъезд их за границу», — пишет судебный следователь Н. А. Соколов (*Соколов Н. А. Op. cit. С. 267*).

Правда, Их Величества сами этого не хотели и считали эту возможность худшей из всего, что Их ожидает. Об этих опасениях они часто говорят в своих письмах, написанных из заточения. Но это лишь служит лишним доказательством их исключительного благородства и безграничной любви к России, и ни в какой степени не оправдывает действия Временного правительства.

«Управляющий делами Временного правительства Набоков признает в своих воспоминаниях, что актом о лишении свободы царя был завязан узел, разрубленный в Екатеринбурге» (*Ibidem. С. 270*).

XXII

«Мы отдали Себя и судьбу Наших Детей в руки Божия». Восхождение на Голгофу

С момента заточения царской семьи начинается ее тернистый путь восхождения на Голгофу, длившийся, как уже сказано выше, шестнадцать месяцев.

Мы не будем описывать здесь нравственные и физические страдания, которые пришлось пережить на этом пути государю Николаю Александровичу и его августейшей семье, ибо этот очерк посвящен лишь одной стороне духовного облика императора Николая II и имеет лишь одну цель — опровергнуть прочно укоренившееся глубоко ошибочное утверждение, рисующего Его как человека слабого и безвольного.

С момента лишения свободы царская семья была вырвана из привычных условий окружающей обстановки и, вместе с этим, она была как бы перенесена в иной план жизни — в план жизни духовной, к которой не применимы обычные мерки, установленные для оценки душевных и духовных свойств людей. Разве можно рассуждать о силе воле святых мучеников, достигших наивысших ступеней несравненно большей силы — силы духовной?

В своих воспоминаниях о страшных днях февральского бунта, когда Их Величества были разлучены и государыня три дня не имела никаких известий от государя, Пьер Жильяр так описывает душевное состояние Ее Величества 3-го марта, когда она еще ничего не знала об отречении:

«Мучения императрицы в эти дни величайшей тоски, без вестей от императора, в отчаянии сидевшей у изголовья больного мальчика (в это время наследник Алексей Николаевич был опасно болен, и в Петрограде даже распространился слух, что он умер), превзошли всякое воображение. Она дошла до крайних пределов человеческих сил. Это было ее последним испытанием, из которого она вынесла то удивительное светлое душевное спокойствие, которое потом поддерживало ее и всю семью до дня их мученической кончины» (*Pierre Gilliard. Op. Cit. P. 173*).

Такой же духовный перелом пережил государь в день своего отречения от престола, совершившийся накануне.

С этого момента Их Величества всецело отдали себя и судьбу своих августейших детей в руки Божии.

Святая Церковь учит нас, что Господь не посылает никому испытания, которые превышали бы силы испытываемого, или же соответственно укрепляет его силы, если он полностью полагается на волю Божию. В житиях святых мучеников описаны многочисленные случаи, как с помощью Божией, — а не благодаря своей собственной силе воли, — они легко и радостно перенесли нечеловеческие пытки и страдания. Это чудесное явление подтверждают также и рядовые православные христиане, перенесшие тяжелые, опасные и мучительные болезни: легкость, с которой они переносят физические страдания, поражает даже опытных докторов, не знающих силы Божией.

Сознавала ли царская семья угрожающую ей смертельную опасность? Да, Их Величества и две старшие великие княжны, несомненно, не только сознавали приближение конца, но и готовились к нему. Жизнерадостная великая княжна Мария Николаевна, хотя и в меньшей степени, но все же ясно понимала положение. Великая княжна Анастасия Николаевна и наследник цесаревич Алексей Николаевич были еще слишком юными, чтобы задумываться над своей участью, но и они не закрывали глаза на действительность, как это видно из случайно вырвавшихся как-то у наследника слов: «Если будут убивать, то только бы не мучили»...

Отдавали себе отчет в том, что их ожидает, и те немногие лица из числа свиты и верных слуг, добровольно последовавшие в ссылку в Сибирь с царской семьей и вместе с ней разделявшие заточение. Генерал-адъютант И. Л. Татищев (ныне св. муч. воин Илья, расстрелян 25 мая/7 июня 1918 года в Екатеринбурге, канонизирован 1 ноября 1981 г.) еще в Тобольске сказал однажды П. Жильяру: «Я знаю, что я не выйду из этого живым. Я молю только об одном — чтобы меня не разлучали с государем и дали умереть вместе с ним» (Алферьев Е. Е. *Op. cit.* С. 411).

В Ипатьевском доме были найдены два листка бумаги, на которых рукою великой княжны Ольги Николаевны были написаны два стихотворения: «Молитва» и «Перед Иконой Богоматери» (*Ibidem.* Приложение I. С. 425–434). Они общеизвестны, но мы напомним здесь два последних четверостишия стихотворения «Молитва»:

Владыка мира,
 Бог вселенной,
 Благослови молитвой нас
 И дай покой душе смиренной
 В невыносимый страшный час.
 И у преддверия могилы
 Вдохни в уста Твоих рабов
 Нечеловеческие силы
 Молиться кротко за врагов.

Нельзя забывать, в какой трагической обстановке писала эти строки юная, двадцатидвухлетняя, великая княжна Ольга Николаевна. Оба эти стихотворения были также переписаны государыней императрицей и посланы полк. А. В. Сыроболярскому в письмах от 11 и 12 января 1918 года (Скорбная памятка. С. 82–83 и 87. Издание «Кассы помощи ближним в память о царской семье». Нью-Йорк, 1928). Отсюда ясно, что их содержание было известно всей царской семье, и можно только поражаться тому, какой духовной высоты достигли Их Величества и их августейшие дети уже к этому времени.

Сохранились два драгоценнейших письменных памятника, раскрывающих перед нами душевные и духовные переживания царственных узников на пути их мученического подвига.

Одним из них являются многочисленные письма всех членов царской семьи, написанные ими из заточения. Первый сборник этих писем, изданный в 1974 году Свято-Троицким монастырем

(Джорданвилль, N. I., США), заканчивается следующим небольшим отрывком из письма великой княжны Ольги Николаевны, написанного в Тобольске:

«Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь» ... (Православная жизнь. Июль 1968 г. № 7. С. 3–4; Письма Царской Семьи из заточения. *Op. cit.* С. 375).

Не менее замечателен и другой памятник из духовного наследия царской семьи. В доме Ипатьева, среди оставшихся вещей, судебными властями было найдено много книг духовного содержания. Четыре из них принадлежали императрице и пятнадцать — великой княжне Татьяне Николаевне. Естественно предположить, что читались они всеми членами августейшей семьи, причем особенно примечательно то, что они не расставались с ними не только в Тобольске, но захватили их даже в Екатеринбург и берегли до самого конца. В них имеются многочисленные подчеркнутые и отчеркнутые места, наиболее привлекавшие внимание читавших и наиболее близкие их душевному настроению, ярко свидетельствующие о духовном подвиге царственных мучеников. Епископ Мефодий, внимательно ознакомившийся с этими книгами и сделанными в них пометками, пишет: «Эти места не только говорят о духовном состоянии августейшей семьи, об их крепкой, глубокой вере, смирении, всепрощении и духовной бодрости, но и являются как бы их духовным завещанием и наставлением. Да будут же слова, подчеркнутые ими и кровью их засвидетельственные, нам на духовную пользу и вразумление» (Письма царской семьи из заточения. *Op. cit.* С. 474).

Ниже приводится краткая выписка слов, особо отмеченных в одной из книг великой княжны Татьяны Николаевны, которые лучше всего показывают нам, какому примеру следовала царская семья в эти страшные предсмертные дни:

«Верующие в Господа Иисуса Христа шли на смерть, как на праздник... становясь перед неизбежной смертью, сохраняли то же самое дивное спокойствие духа, которое не оставляло их ни на минуту... Они шли спокойно навстречу смерти потому, что надеялись вступить в иную, духовную жизнь, открывающуюся для человека за гробом» (*Ibidem.* Приложение III. Книги

духовного содержания, принадлежавшие царственным узникам, как немые свидетели их духовного подвига в заточении. С. 469–480. Епископ Мефодий. Из духовного сокровища Царской Семьи. Оттиск из журнала «Вечное». Париж, 1956).

XXIII

*Злодейское убийство царской семьи в Ипатьевском доме.
Канонизация царской семьи Русской Православной Церковью
Заграницей*

Господь был милостив к своим угодникам: царская семья была взята из земной жизни вся вместе, одновременно. И в этом чудесном явлении нельзя не видеть действия Промысла Божьего. Как бы в награду за их безграничную взаимную любовь, крепко связывавшую всех Членов царской семьи в одно, единое, нераздельное целое, момент разлучения души и тела наступил для Них одновременно.

Наследник, как мы знаем, жил под постоянной угрозой смертельной опасности и неоднократно был на краю смерти, но каждый раз Господь спасал его, как будто желая сохранить единство семьи.

Истинный смысл событий, совершающихся по Промыслу Божьему, часто остается сокровенным для современников и становится понятным лишь много лет спустя. Когда страшная правда о трагической гибели всей царской семьи стала известна, многие современники особенно сокрушались о жестокой судьбе великой княжны Ольги Николаевны; вспоминали недавнее сватовство наследного принца Румынского Карола и решительный отказ юной великой княжны, заявившей, что она никогда не выйдет замуж за иностранца и никогда не покинет пределы России; и вот, как казалось тогда, вместо того, чтобы стать королевой Румынской и начать молодую счастливую жизнь, она погибла мученической смертью в страшном застенке. И только теперь, после многих десятилетий, истинный смысл всего совершившегося по воле и по величайшему милосердию Божьему раскрылся перед нами, и стало ясным, что если бы великая княжна Ольга Николаевна приняла предложение принца Карола, ее жизнь была бы преисполнена великих скорбей: несчастный брак с безнравственным человеком; разбитая семейная жизнь; королевский престол на короткое время, а затем революция и беженское существова-

ние в изгнании; но самым тяжелым испытанием были бы для нее нестерпимые нравственные страдания от сознания, что из всей ее горячо любимой семьи она одна осталась в живых, и от мучительных переживаний и неотвязчивых мыслей, которые преследовали бы ее до последнего дня, о трагической судьбе ее державных родителей и августейших брата и сестер*. Вот, что ждало ее

* Царские дети, и в особенности наследник цесаревич, из-за его болезни, вели крайне уединенный образ жизни. Они редко виделись даже со своими ближайшими родственниками, двоюродными братьями и сестрой — августейшими детьми великой княгини Ксении Александровны. Фактически, единственным детским другом наследника был Н. В. (Коля) Деревенко — сын лейб-хирурга д-ра В. Н. Деревенко, последовавший, вместе с отцом, за царской семьей сначала в Тобольск и затем в Екатеринбург. В Царском Селе его постоянно приглашали во Дворец играть с наследником, который также и сам бывал у своего друга. В Тобольске, в течение всего периода пребывания там царственных мучеников в 1917–1918 гг., он был единственным посетителем со стороны, который допускался по воскресеньям и праздникам в губернаторский дом, где неразлучно оставался на целый день с цесаревичем Алексеем Николаевичем. Сейчас Н. В. Деревенко является единственным оставшимся в живых из всех свидетелей жизни царской семьи в заточении. Проживает он в отдаленной стране, в глубоком уединении, решительно отказываясь от каких-либо выступлений, касающихся царской семьи. Он занимает такую позицию, несмотря на то что хорошо знает, что ему достаточно сказать слово, чтобы разоблачить многочисленных самозванок и самозванцев, равно как и самозванных «детских друзей» наследника цесаревича. Время от времени он навещает своего школьного товарища по Царскосельской Императорской Николаевской гимназии, который каждый раз, в ходе их дружественных бесед, настойчиво старался убедить его написать свои воспоминания о наследнике, которые представляли бы исключительную ценность для истории и для составления правдивого жития св. муч. убиенного царевича Алексиса. Все просьбы оставались тщетными. Наконец, во время одной из таких встреч, его друг решил действовать более энергично и так или иначе добиться от Н. В. Деревенко согласия приняться за этот труд. Он говорил долго, снова повторил свои доводы, горячо настаивая на том, что «Коля» обязан рассказать все то, что он видел, знает и помнит, что это — его святой долг перед наследником, историей, русским народом. «Коля» слушал внимательно, но молча. Наконец он не выдержал и, с необычным для него волнением, воскликнул, и какая-то нотка отчаяния звучала в его голосе: «Как ты не понимаешь, что я всю жизнь стараюсь забыть этот ужас! Если бы я дал волю моим воспоминаниям, я не мог бы жить, не мог бы работать, не мог бы существовать, сошел бы с ума». Разумеется, после такого признания, продолжать или возобновлять разговор по этому делу было невозможно.

Но в связи с этим невольно возникает вопрос: если мученический путь царской семьи, закончившийся ее злодейским убиением, вызвал такое глубокое и на протяжении всей жизни незабываемое душевное потрясение

на этом пути. Тогда как теперь, вместе со всей царской семьей, о навсегда вошла не только в русскую историю, но и в историю Российской Православной Церкви, как святая царевна — св. мученица благоверная великая княжна Ольга, и память о ней будет свято храниться из рода в род до скончания века.

Царская семья была призвана предстать перед Престолом Божиим вся вместе, и это великое знамение Божие само по себе указывает на то, что царственные страстотерпцы, как и первые христианские мученики, были прославлены Самим Господом с самого момента принятия ими мученических венцов.

* * *

В 1981 году Русская Православная Церковь за границей, являющаяся единственной законной преемницей Российской Православной Поместной Церкви, канонизировала царскую семью вместе с сонмом других новомучеников от безбожной власти убиенных. Торжества канонизации имели место в Нью-Йорке 31 октября/1 ноября, при участии 15 архиереев, во главе с митрополитом Филаретом, и многочисленного духовенства и в присутствии всех здравствующих членов Дома Романовых и огромного числа молящихся, съехавшихся со всех стран русского рассеяния.

у 12-летнего Коли Деревенко, то какие нравственные пытки должен был бы испытывать тот из членов царской семьи, кому удалось бы чудесным образом остаться в живых? Между тем никто из самозванок и самозванцев, начиная с пресловутой Чайковской, появившейся на берлинском горизонте всего лишь через четыре года после Екатеринбургского злодеяния, и кончая темной личностью Голеневского (правда, последний выдумал фантастическую версию о спасении всей царской семьи!), не проявлял ни малейшего интереса к судьбе царской семьи и не испытывал ни малейшего волнения от воспоминаний об Ее жизни до революции и в заточении. Казалось бы, что такое странное равнодушие должно было бы служить одной из лучших улик, подтверждающих их самозванство. Однако как это не удивительно, этот простой вопрос не приходил в голову никому из тех лиц, правда весьма немногих, которые, хотя бы и недолгое время, поддавались обману или сомнениям.

XXIV*Великое историческое значение прославления царской семьи*

Мы закончим наш скромный труд несколькими выдержками из замечательного доклада епископа Нектария Сеаттлийского (епископ Нектарий (Концевич) Сеаттлийский, в Бозе почил 6 февраля н. с. 1983 г., погребен в Свято-Троицком монастыре, на братском кладбище), посвященного прославлению Царской Семьи и всех Новомучеников Российских, прочитанного им на Съезде Русской православной молодежи, состоявшемся в гор. Сан-Франциско (Калифорния) в августе 1981 года, незадолго до канонизации.

«Предстоящее прославление может иметь величайшее духовное и историческое значение, так как оно может открыть путь к возрождению России и спасти ее от окончательной гибели в тисках богоборческой власти. Конечно, все это будет зависеть от того, как воспримут это событие оставшиеся еще верующими православные люди на Родине и как воспримем его мы, находящиеся в рассеянии на чужбине».

«Особенно важно отметить мученическую кончину нашего государя, императора Николая Александровича, и его семьи. Он был последним монархом, помазанным святым миром на царство».

«Государь-Помазанник Божий, священное лицо, носитель особой силы благодати Духа Святого. Эта божественная сила, действующая через Помазанника Божия, удерживала распространение зла, тайны беззакония. Апостол Павел во Втором послании к Фессалоникийцам пишет: «Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды Удерживающий теперь». Дьявол уже как бы давно рвется и силится явить миру Антихриста, но не может, потому что еще в наше время Божественная благодать, сугубо действующая через Помазанника Божия, удерживала и не давала этой возможности. Тайне беззакония необходимо было, чтобы получить свободу действия, взять от среды Удерживающего, что и произошло по поущению Божию за грехи всего русского народа. Итак, Удерживающий взят от среды, и с этого момента все мы являемся свидетелями безудержного разгула и распространения зла во всем мире. Совершилось страшное злодеяние — цареубийство. Убит Государь, Помазанник Божий, Покровитель Православной

Церкви, Глава православного государства, убит Удерживающий. Из сказанного абсолютно ясно, что это злодеяние было ритуальным, а не политическим убийством, о чем свидетельствует также и кабалистическая надпись* на стене Ипатьевского дома, где было совершено это поистине сатанинское злодеяние. Подобно тому, как Христос был распят за грехи всего мира на Голгофе, всеми оставленный, так и Государь принесен в жертву за грехи всей России, также всеми оставленный. Никто не оказал помощи своему Государю в дни его тяжелых испытаний, когда он был узником богоборческой сатанинской власти. Поэтому, смертный грех цареубийства тяготеет над всем русским народом, а в особенности над теми, кто принимал участие в этом злодеянии, а в какой-то степени над каждым из нас. И если это так, то для того, чтобы иметь хотя бы маленькую надежду на снятие греха с совести России, необходимо, помимо нашего сугубого покаяния, прославить Государя во главе всех русских новомучеников. Ведь принял он мученическую кончину за Православную Веру, Святую Церковь, за Отчизну». «Трагедия Царской Семьи как бы закланием легла на Русскую Землю, став символом, пророком длинного крестного пути России, гибели десятков миллионов ее сынов и дочерей. Канонизация царственных мучеников явится для России снятием с нее греха цареубийства и окончательно освободит ее от злых чар».

«У нас теплится надежда, что когда весть о прославлении государя, во главе всех новомучеников Российских, достигнет еще верующего православного русского люда на Родине, который вместе с нами осознал тяготеющий над Россией грех цареубийства, он с покаянными слезами будет молить Господа о проще-

* Полная расшифровка тайного значения этой надписи сделана в следующей формулировке на французском языке: «Ici par ordre de la force des tenebres le Tsar a ete sacrite pour la destruction de l'Etat. Avis a tous les peuples» (Enel. Sacrifice, p. 19. Британский музей).

В переводе на русский язык этот текст гласит: «Здесь, по приказу тайных сил, царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы» (Энель. Жертва. С. 19. С одобрения автора перевод с французского Б. Верного. Новый Сад, Югославия, 1925).

Примечание. — Слова «par ordre de la force des tenebres», в этом контексте, было бы правильнее перевести по-русски: «по приказу сатанинских сил». Материалы для составления Жития Св. Благочестивейшего Царя-Мученика Николая Великого Стратотерпца.

Свято-Троицкий Монастырь Джорданвилль, N. I., 1983 г.

нии и в молебном пении всем сердцем будет призывать помощь царя-мученика: “Святой Царю-Мучениче и Страстотерпче Николае, со всеми Новомучениками Земли Русской, молитесь о нас грешных!”, — тогда верим, что государь, печальник страждущей России, поклонится Престолу Божию и сотворит сугубую молитву о спасении России и нас грешных. Кровь мучеников вопиет к небу, и Господь, внемля нашему покаянному воплю и услышав святую молитву Своего смиреннейшего раба, нашего царя-мученика, в силе сотворить чудо и, сняв с совести русского народа тяжкий грех цареубийства дыханием уст Своих, может сдунуть с лица Русской земли коммунистическое иго и всю нечистоту богоборческой власти. У Господа все возможно, в силе Он печаль на радость преложить и воскресить Святую Православную Русь».

Послесловие

У читателя может возникнуть вопрос: если император Николай II действительно был человеком сильной воли, каким образом объяснить некоторые его поступки, которые обыкновенно свойственны людям слабохарактерным?

Это объясняется многими особенностями сложного духовного склада государя и прежде всего редким сочетанием непреклонной воли и мягкосердечия, при наличии большого и тонкого ума. У него совершенно отсутствовали такие черты, как властность, высокомерие, резкость, напористость, которые часто ошибочно принимаются за проявление твердости воли. Напротив, он отличался крайней скромностью, душевной мягкостью, чрезвычайной добротой, природным благородством, верностью своему слову, исключительной душевной деликатностью, бережным отношением к чужому самолюбию, сердечностью и отзывчивостью. Будучи скромным и мягкосердечным, он умел, однако, когда это требовалось обстоятельствами, держать себя властно, повелевать или прямо и смело выражать свое неудовольствие в строгих и решительных словах, но всегда в спокойной и корректной форме. В обращении с людьми он был прост и приветлив, но не допускал переступать границу, определяемую его царским саном. Постоянной упорной работой над собой он развил в себе сверхчеловеческое самообладание и никогда не выражал сколько-нибудь явно своих переживаний. Под покровом этих и многих других положительных душевных качеств императора Николая II

скрывались его упорная, настойчивая, пружинистая, но не ломающаяся, стойкая и спокойная непоколебимая воля, сильная душа и мужественное сердце. По своей природе государь был очень замкнут. Он никогда никому не открывал до конца своего сердца. Быть может, только одна государыня действительно знала всю глубину его души, сердца и мыслей. Даже многие из его приближенных не знали своего государя. Незнание порождало непонимание, а непонимание часто приводило к ошибочному толкованию и даже к осуждению его поступков, что в свою очередь служило источником ложных слухов и сплетен, повторяемых в обществе, а оттуда проникавших в более широкие круги. Здесь они перерабатывались уже в злонамеренную клевету, которая широко распространялась в целях революционной пропаганды. Так родилась легенда о слабости императора Николая II.

Что касается конкретного серьезного вопроса о том, почему император Николай II, обладая сильной волей, не сумел подавить февральский бунт, выросший в революцию, то мы достаточно подробно рассмотрели на основании достоверных фактов те события, которые зависели или могли зависеть от его волевой характеристики, и нам остается лишь снова напомнить исторические, записанные в день отречения, чеканные слова государя: «кругом измена, и трусость, и обман», добавив к ним, что эта измена была для него неожиданным предательским ударом в спину со стороны людей, пользовавшихся его безграничным доверием, — страшным ударом, которого он не мог ни предвидеть, ни предотвратить, ни устранить.

